

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 9/10 (341/342)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Мая 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

РСИ о международном положении.
Ф. Дан. Советско-французский пакт.
П. Гарви. «Великий лозунг».
А. Югов. О зажиточности и расслоении.
С. Шварц. На перепутьи.
А. Шифрин. Внешняя политика Коминтерна.
С. Ш. За единство профдвижения.

Заграницей: «Народный фронт» против «национального фронта». — Годовщина фашистского переворота в Латвии. — Съезд голландской социалдемократии. — Австрийские социалисты об «едином фронте». — Юлий Цельмс (некролог).
По России: Советский патриотизм. — Легализация обывательского патриотизма. — Смущение в среде коммунистов. — Оппозиционные настроения комсомольцев. — На распутье без вождей. — Снова в тюрьмы и ссылку!
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Фельетон: Ф. Дан. О задачах российской социалдемократии (окончание).

РСИ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

6-7 мая состоялись в Брюсселе заседания расширенного Бюро Рабочего Социалистического Интернационала, на которых наша партия была представлена Ф. Даном. Кроме ряда организационных вопросов Бюро подробно обсудило современное международное положение и, в результате прений, приняло следующую резолюцию:

Собравшись в крайне ответственный момент, Бюро РСИ констатирует, что всесветный мир продолжает оставаться под угрозой.

Германская диктатура бросила вызов Европе и всему миру. Полагаясь единственно на свои собственные силы, она отказывается от сотрудничества с другими европейскими державами в деле организации мира через Лигу Наций. Она остается при своих аннексионистских замыслах. Она старается вовлечь и другие страны в свою политику международной анархии. Она стремится к милитаристской гегемонии над Европой. Скачка вооружений, как непосредственное следствие этой политики, еще усиливает ее опасность.

Одной из действительных форм борьбы против войны является использование всех средств для мобилизации общественного мнения всего мира против гитлеровской диктатуры. Эта диктатура угнетает собственный народ и создает внешне-политическую угрозу. Сбросить с себя тяготеющее над ним иго германский народ может лишь своими собственными усилиями, но его победа, служа делу мира, будет служить делу всех народов.

Мы приветствуем сотрудничество европейских демократий с Советским Союзом в интересах предотвращения

войны. Мы не хотим союзов против германского народа, как не хотим их ни против какого другого народа; мы хотим лишь обеспечения мира совместными усилиями всех народов на основе их полного равноправия. Война — величайшее преступление против человечества. Новая война ударила бы по изолированному германскому народу сильнее, чем по какому-либо другому; но она обратила бы в развалины и всю остальную Европу.

В этот грозный час рабочий класс всех стран не должен поддаваться ни панике, ни фаталистической уверенности в неизбежности войны. С хладнокровием и решимостью должен он сопротивляться росту шовинизма, вызываемому ходом событий, и противодействовать войне.

**

Военная опасность в Европе будет устранена лишь тогда, когда всякая попытка нападения будет наткаться на коллективную силу, достаточно мощную, чтобы отразить нападение и быстро восстановить мир. Для этого все участвующие в Лиге Наций государства должны — в меру своих военных и географических возможностей — содействовать соблюдению пакта Лиги Наций и отражению всякого нападения.

Для предотвращения войны необходимо восстановить веру в серьезность обязательств, налагаемых пактом Бриана-Кэллога, и в осуществимость коллективной системы безопасности. Этой цели должно было бы слу-

жить немедленное заключение все-европейского договора о ненападении и взаимопомощи, связанного с системой санкций, предусмотренных пактом Лиги Наций, и включающего в себя определение нападающего в случаях международных конфликтов.

Частичные договоры, служащие ныне для укрепления системы мира, потеряют право на существование, когда будет заключен такой общий договор, достаточно определенный по своему содержанию и достаточно всеобъемлющий, чтобы гарантировать эффективные коллективные действия против любого агрессора. До тех же пор партии Интернационала обязаны тщательно следить за тем, чтобы частичные договоры соответствовали условиям, формулированным РСИ еще на его Марсельском конгрессе, в особенности же — чтобы они не противоречили правам и обязанностям, налагаемым участием в Лиге Наций. Они не должны нарушать компетенции и задач законных органов Лиги Наций. Они должны оставаться открытыми любому другому государству данного района для присоединения на равных основаниях. Государство, подвергшееся нападению, должно немедленно обращаться к Лиге Наций и выполнять ее указания, поскольку им готова подчиниться и противная сторона.

Нашим искренним желанием является, чтобы все могущие быть заключенными договоры заключались при участии Германии, если она желает присоединиться к ним, и чтобы двери оставались для нее всегда открытыми, поскольку она оказывается нерасположенной подписать договоры в момент их заключения.

**

В рамках системы региональных пактов должен быть обеспечен мир и в Центральной Европе, где имеется очаг военной опасности.

Бюро приветствует всякую попытку наладить политическое и экономическое сотрудничество народов придунайского бассейна. Но недопустимо, чтобы, под предлогом гарантии независимости Австрии, проектируемый дунайский пакт ставил под гарантию держав господствующую ныне в Австрии фашистскую систему и тем самым господство Италии над Австрией. Недопустимо, чтобы, под предлогом запрещения иностранного вмешательства во внутри-австрийские дела, этот пакт сам организовывал такое вмешательство, обязывая правительства оказывать австрийскому фашизму помощь против самого австрийского народа. Недопустимо, чтобы, под предлогом противодействия вмешательству гитлеризма в австрийские дела, он поддерживал в Австрии деспотический режим, ненавистный огромному большинству австрийского народа, способный лишь рости в нем негодование и возмущение и тем самым толкающий его в объятия гитлеризма. Недопустимо, чтобы, под предлогом организации мира в Центральной Европе, создавались армии на службе агрессивному венгерскому ревизионизму или облегчалась реставрация Габсбургов и тем самым война в Центральной Европе делалась неизбежной.

Мы признаем за венгерским и австрийским народами такое же право на безопасность, как и за всеми другими народами; но мы возражаем против всякого вооружения венгерского полуфашизма, который все более грозит стать союзником гитлеровской Германии, и австрийского фашизма, который является не чем иным, как вассалом фашизма итальянского.

**

Мы остаемся проникнутыми убеждением, которое не переставал провозглашать Интернационал, что никакая система безопасности и сам пакт Лиги Наций не могут дать полного эффекта до тех пор, пока мир не вступит наконец решительно на путь всеобщего разоружения.

Мы — смертельные враги скачки вооружений, потому что она грозит привести к войне. Мы признаем равноправие Германии в правах и обязанностях. Но мы всегда требовали и продолжаем требовать, чтобы равноправие всеобществлялось не на путях вооружения, а на путях всеобщего разоружения.

Мы требуем поэтому, чтобы Международная Конференция по разоружению немедленно возобновила свои работы и выработала конвенцию о международном сокращении вооружений и международном контроле над ними, об интернационализации гражданской авиации и строжайшем международном контроле над производством оружия и торговлей им. Эта конвенция должна быть выработана при участии Германии, если она решит вернуться в Женеву; она должна быть предложена ей для подписи и в том случае, если она будет упорствовать в своей нынешней изоляции. Народы, объединенные в защите мира, должны этим актом наглядно засвидетельствовать свою волю к лояльному соглашению. Если же вопреки этой воле заключение общего соглашения о разоружении и контроле окажется пока невозможным, общественному мнению должно стать ясным, на кого падает ответственность за это.

**

Мы убеждены, что экономическая война, которую ведут ныне капиталистические государства друг против друга, не только усиливает мировой кризис и безработицу, но и увеличивает военную опасность, подобно тому, как она облегчила наступление фашизма в ряде стран.

Одновременно с военным разоружением мы требуем поэтому разоружения и экономического. Мы требуем восстановления более свободного, массового и равноправного товарообмена на мировом рынке.

**

Настаивая на необходимости коллективной организации безопасности, мы призываем рабочих всех стран следить за тем, чтобы организация эта не искажалась империалистическими целями и тайными договорами.

Надо во что бы то ни стало помешать тому, чтобы, под влиянием националистической пропаганды, борьба германского фашизма не выродилась в борьбу против германского народа.

Надо во что бы то ни стало помешать тому, чтобы присоединение кое-каких правительств к коллективной системе не покупалось ценою содействия других правительств их империалистическим планам. Эта опасность уже дает себя знать в том молчании, которым великие державы покрывают подозрительные махинации муссолиниевского фашизма.

Надо во что бы то ни стало помешать тому, чтобы, под влиянием классовых интересов, капиталистические правительства западных стран не отказывались от экономического и политического сотрудничества с Советским Союзом, необходимого для охранения мира.

Надо во что бы то ни стало помешать тому, чтобы военная опасность не послужила в руках капитализма средством для вовлечения рабочего класса в политику священного единения и отвлечения его от его подлинной задачи — освобождения угнетенных классов и народов.

Лишь рабочий класс, завоевав власть, сможет сделать сотрудничество государств подлинно действительностью и освободить его от порочной печати, которую неизбежно налагают на него капитализм и империализм. Мы поддерживаем буржуазные правительства, поскольку они стремятся предотвратить взрыв войны. Но в то же время мы говорим рабочим всего мира: не может быть прочного обеспечения свободы и мира без победы социализма!

Советско-французский пакт

Франко-советский и тесно связанный с ним чехо-советский пакт стали совершившимися фактами. Они подписаны в Париже и Праге, и окончательная ратификация их последует, вероятно, в самом непродолжительном времени.

Если взять текст основного, франко-советского пакта и приложенного к нему протокола, то надо признать, что текст этот является более благоприятным для Франции, чем для ее советского партнера.

Начать с того, что соглашение о консультации и взаимной помощи будет иметь силу лишь в случае «угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства». Для Франции этим определением исчерпывается весь круг военных опасностей, которые могут реально угрожать ей в современный момент. Иначе — для Советского Союза. Конечно, сейчас, благодаря уступке ВКЖД, произошло значительное разрежение военной атмосферы на Дальнем Востоке. Но достаточно ознакомиться с заявлениями целого ряда «ответственных» политических деятелей Японии (кстати, решительно отвергающих даже заключение простого пакта о «ненападении» с Советским Союзом!), чтобы увидеть, что уже сейчас, в медовый месяц оплаченной ВКЖД японо-советской «дружбы», японская дипломатия и японский милитаризм предъявляют Советскому Союзу столь радикальные требования по части демилитаризации пограничной зоны, «исправления» советско-маньчжурской границы, переработки рыболовной и нефтяной конвенций и т. д., что советскому правительству, при всей его несомненной потребности в мире, будет нелегко эти требования исполнить. И никто не может поручиться, что в дипломатической игре, объединяющей Японию с гитлеровской Германией и Польшей, не сложится конъюнктура, при которой военная опасность для Советского Союза именно на Дальнем Востоке приобретет снова особую остроту, более того, что в условиях, созданных франко-советским и чехо-советским пактами, враги Советского Союза не предпочтут начать войну против него именно в Азии, чтобы лишь затем, когда силы его будут достаточно связаны и ресурсы его достаточно истощены, ударить против него и с европейского фронта. Но в этом случае, вплоть до момента «перерастания» азиатской войны в войну европейскую, Советский Союз, в силу текста договоров, ни на какую помощь со стороны своих европейских друзей рассчитывать не имеет права.

Но далее. «Обязательства помощи, предусмотренные в договоре, относятся лишь к случаю нападения, совершенного на собственную территорию той или другой договаривающейся стороны». Нападение Германии или Польши, о которых может идти в данном случае речь, на Францию или Чехословакию будет всегда нападением на их собственную территорию, обязывающим Советский Союз мобилизовать военную помощь подвергшейся нападению стране. Но Советский Союз с Германией общей границы не имеет. Вторжение Германии во все три лимитрофных прибалтийских государства или оккупация Литвы Польшей никаких прав Советскому Союзу на военную помощь Франции или Чехословакии не дают. На эту помощь он не сможет рассчитывать даже и в том случае, если состоится тот пакт об его односторонней помощи прибалтийским государствам, подвергшимся чьему-либо нападению, о котором за последнее время вообще ничего не слышно: ибо формально Советский Союз оказался бы в этом случае, по отношению к Германии, не страной, подвергшейся нападению на ее собственной территории, а, наоборот, страной нападающей. Лишь вторжение польских

войск в Украину могло бы создать условия для приведения пакта в действие. Надо ли говорить о том, какие колоссальные стратегические преимущества создаются для военных противников Союза этой возможностью предварительных операций в Прибалтике?

И наконец: осуществление вытекающих из договора обязательств поставлено в зависимость от сложной системы функционирования аппарата Лиги Наций, того аппарата, который в руках Франции, объединенной определенными соглашениями с Англией и Италией, всегда будет инструментом более послушным, чем в руках Советского Союза. Связь с Англией и Италией была и остается для Франции на первом месте, по отношению к ней лишь подчиненную роль играет в ее политике соглашение с Советским Союзом — вот о чем говорит договор и приложенный к нему протокол. И именно в интересах устранения всего, что может внести трещину в тройственный, франко-англо-итальянский блок, протокол еще более суживает сферу применения взаимопомощи, ограничивая ее теми пределами, «которые имелись в виду при первоначально намечавшемся трехстороннем соглашении» между СССР, Францией и Германией. Иначе говоря: лишь при нападении Германии на собственные границы СССР Франция принимает на себя обязательство оказать ему, в рамках устава Лиги Наций и Локарнского договора, военную помощь. При нападении-же, хотя и на собственные границы СССР, любого другого государства, напр., Польши, Франция обязуется лишь, согласно тексту протокола, «воздерживаться в течение конфликта от прямой или косвенной помощи или поддержки нападающему».

Таков смысл договоров и протоколов, подписанных в Париже и Праге, согласно их точному тексту. Этот текст свидетельствует о том, что в данном случае Советский Союз гораздо более является стороной дающей, чем берущей. И это не удивительно, если помнить, что именно ему военная опасность грозит сейчас в максимальной степени, и что отнюдь еще не исключена возможность сговора основных европейских держав с Германией и ее союзниками о «сохранении мира» за счет Советского Союза и ценой его разгрома и расчленения. Об этом одинаково свидетельствуют и те подозрительные переговоры, которые именно теперь ведет итальянский фашизм в Варшаве, и те интриги, которыми гитлеровские дипломаты непрерывно атакуют Лондон, и те непрекращающиеся авансы, которые они делают Франции: секретный трехчасовой разговор Гэринга с Лавалем в Кракове достаточно показателен в этом отношении!

Те группировки и перегруппировки держав, которые в предвидении и ожидании возможной войны производятся сейчас в оболочке борьбы за ее предотвращение, отнюдь нельзя еще считать законченными. Будущее готовит еще, вероятно, в этом отношении сюрпризы, не меньшие, чем тот, каким оказалось полтора года тому назад переключивание предполагавшегося главного врага гитлеровской Германии, Польши, в лагерь ее вероятных союзников. Все это достаточно объясняет максимальную уступчивость, проявляемую Советским Союзом в переговорах со своими партнерами по пактам точно так же, как и в переговорах со своим японским антагонистом. Но сама уступчивость эта есть неподлежащий отрицанию или перетолковыванию факт, так же определенно отразившийся в тексте франко- и чехо-советских пактов, как он в свое время отразился в тексте японо-советского договора об уступке ВКЖД.

Однако, реальное значение всех договоров и особен-

но договоров, заключаемых в обстановке только что характеризованной текучести всех межгосударственных комбинаций, определяется не столько их словами, не столько их текстом, сколько теми реальными условиями, в которых они заключаются и приводятся в действие, тем «духом», в каком они понимаются и принимаются их участниками. И с этой точки зрения все беседы, акты, речи и заявления, связанные с путешествием французского министра иностранных дел в Варшаву и Москву, имеют значение, по малой мере не меньшее, чем текст подписанных и ратифицируемых пактов.

***

Поездка в Варшаву имела очевидную целью заставить наконец Польшу «самоопределиться» в вопросе о восточно-европейском пакте взаимопомощи «с Германией, если она хочет (а она заведомо не хочет!), или без Германии». Это самоопределение состоялось и притом в смысле решительного отрицания такого пакта. Идея пакта взаимопомощи был нанесен в Варшаве окончательный, смертельный удар. Отныне речь может идти лишь о восточно-европейском пакте, содержащем, говоря словами более позднего сообщения о московских разговорах Лавалая, «обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору», т. е. те никого ни к чему не обязывающие обязательства, которые предлагал взять на себя еще во время Стрезы Гитлер, но ни в коем случае не обязательства военной взаимопомощи. Да и то еще, по сведениям осведомленных корреспондентов, Польша, в униссон с Германией, требует исключения Литвы из круга страхуемых таким путем государств.

Если Польша, подобно Германии, соглашается участвовать в заключении чисто демонстративного восточно-европейского пакта о ненападении, то делает она это по соображениям, однородным с гер-

манскими: Гитлер не хочет закрывать себе двери к соглашению с Англией и Францией и потому не хочет слишком резко демонстрировать свой антагонизм к проводимой ими сейчас политике региональных и, в перспективе, общеевропейского пактов. Того-же самого не хочет и Польша. Маршал Пилсудский в своей предсмертной статье, которую парижская газета «Пари-Суар» опубликовала под громким названием его «завещания», вполне точно определил смысл польской политики, высказав свое убеждение, что «безопасность Польши — в ее изолированности», т. е. в отказе заранее прочно связать себя с одной из группировок в возможной войне: подобно господу богу, Польша хочет быть в этом случае на стороне «более сильных батальонов». А где окажутся эти батальоны, пока еще не ясно. Сейчас во всяком случае Польша ставит свою ставку на батальоны гитлеровские. Внесет-ли в этом отношении какие-либо скорые и существенные изменения смерть Пилсудского, гадать преждевременно. Можно лишь сказать одно: если миссией варшавского визита французского министра иностранных дел была попытка заставить Польшу уже сейчас изменить свою внешне-политическую ориентацию, то эта миссия закончилась неудачей. В этом факте ничего не могут изменить пышные фразы официальных сообщений и газетных комментариев. Им определяется важное значение варшавских свиданий в общем балансе международного политического положения.

Еще более важное значение имели в этом смысле свидания и разговоры московские. Если оставить в стороне часть, так сказать, увеселительную — обеды, завтраки, рауты и спектакли, то можно сказать, что деловое внимание не только представителей французской дипломатии, но и сопровождавших их представителей французской печати делилось между дипломатическими переговорами и военной авиацией, —

О задачах российской социалдемократии (Окончание)

Социалдемократия — партия пролетарского социализма. И тем не менее или, точнее, именно поэтому она борется против политики немедленного насаждения «интегрального социализма» в Советском Союзе. Борется потому, что политика эта, в наличных экономических, социальных и культурных условиях, может проводиться лишь мерами все возрастающего насилия — уже не над эксплуататорами, а над трудящимися массами, отталкивает эти массы от революции и социализма и тем самым на деле не только не создает благоприятных условий для вовлечения советской страны в общий процесс пролетарской борьбы за социализм, но, наоборот, содействует нарастанию контр-революционной, фашистско-капиталистической опасности. Социалдемократия должна бороться за максимально возможное сохранение тех элементов советского хозяйства и максимально возможное развитие тех тенденций советского уклада, которые могут быть опорными пунктами для втягивания советской страны в процесс мировой социализации. Но, именно во имя действительных, а не призрачных успехов борьбы за социализм, она может и должна вести эту борьбу в границах, которые я пытался наметить в первой части этой статьи.

Этим убеждением в необходимости поддерживать и развивать социалистические элементы и тенденции и, одновременно, в невозможности немедленного осуществления «интегрального социализма» в одной стране, да еще столь отсталой, должен определяться и характер той социалистической критики, которую мы обращаем по адресу внешней и внутренней

политики большевистской диктатуры, в частности — характер нашей критики такого знаменательного для современного момента в эволюции советского общества явления, как непрерывное нарастание материального и неразрывно связанного с ним социального и культурного неравенства. Моей статье на эту тему в майской книжке «Кампф», повторяющей, в общем, мысли о «знатных людях страны», высказанные мною на страницах нашего органа, Отто Бауэр посвящает в той же книжке «Кампф» особую заметку, в которой, с ссылкой на «Критику Готской программы» Маркса, указывает, что такое неравенство есть неизбежный спутник первых этапов коммунистического общества, его «переходного периода» от капитализма к развернутому, «интегральному» социализму, в рамках которого только и может быть осуществлено равенство в удовлетворении материальных потребностей всех членов общества, независимо от их индивидуальных способностей и талантов и функций, ими выполняемых. Разумеется, Бауэр совершенно прав, и мы были бы чистейшими демагогами, если-бы, отвергая возможность немедленного построения «интегрального социализма» в Советской России, требовали в то же время осуществления полнейшей материальной «поровенки».

Мы критикуем большевистскую диктатуру не за то, что она ученым социалистам платит больше, чем квалифицированным рабочим, последним больше, чем чернорабочим, и т. д. Это в «переходный период» явление неизбежное и необходимое. Но мы критикуем ее за то, что и общей экономической политикой своей, изымаю-

что указывает, приходится думать, что этому виду советского оружия будет отведена главная роль и в тех планах, которые будут разрабатываться в предстоящих ныне, по сообщениям французской печати, свиданиях и беседах представителей соответствующих генеральных штабов.

На эти свидания и беседы переносится теперь центр тяжести в деле фактического осуществления заключенных в Париже и Праге пактов. Ибо трудно заразиться в такой степени благодушным иллюзионизмом, чтобы не видеть, что, по существу, речь идет в данном случае о заключении военных союзов. Конечно, это — союзы «нового типа», потому что времена новые и условия новые. Конечно, они носят, как говорит комментирующая московское свидание передовица «Правды» (16 мая) «оборонительный характер»; но когда-же это было иначе? Конечно, «отнюдь не исключается ничье участие» в заключенных пактах; но кто-же, смотря открытыми глазами на социальный характер и группировку сил, господствующих в современном мире, может думать серьезно, что, напр., гитлеровская Германия — не говоря уже о других странах! — может «искренне сотрудничать» в организации военной взаимопомощи или, говоря точнее; что это «сотрудничество» ее может быть реально осуществлено иначе, как в форме той «директории» четырех великих держав, о которой мечтал и, вероятно, продолжает мечтать Муссолини и в которой Советский Союз справедливо усмотрел попытку разрешить антагонизмы этих держав и «обеспечить мир» между ними за счет СССР? Конечно, заключенные пакты имеют целью «предотвратить новую войну» и укрепить мир; но они хотят обеспечить мир усилением военной мощи договаривающихся и тем самым, как и всякие союзы, старого-ли, нового-ли типа, фактически передают задачу «предотвращения войны» в руки столь испытанных ангелов мира, какими являются ге-

неральные штабы всех стран и всех времен.

Приходится поэтому констатировать, что «Правда» проявляет похвальный реализм и последовательность, когда, перед лицом пакта, строящего охранение мира и безопасности Советского Союза на военном сотрудничестве с другими державами, отказывается требовать ослабления военной мощи этих возможных соотрудников, а, наоборот, требует ее усиления, ибо «для того, чтобы защищать мир, нужно быть сильными». Она проявляет этот реализм и эту последовательность, когда нарочито требует усиления военной мощи Франции и Чехословакии, ибо «для национал-социалистов военная слабость их соседей (иначе, как Франция и Чехословакия, расшифровать это слово невозможно!) явилась бы только дополнительным аргументом в пользу форсирования нападения».

Все это — в порядке вещей, все это диктуется логикой той внешней политики, которую ведет Советский Союз и которая принудительно навязывается ему обстоятельствами. Иная политика большевистской диктатуры могла бы, вероятно, предупредить наступление этих обстоятельств, но ныне они являются для нее уже неустрашимыми. Но Сталин идет гораздо дальше того, что представляется в передовице «Правды», в данных условиях, логически и реально неизбежным. Он лично, т. е. в своем качестве диктатора советской компартии и всего Коммунистического Интернационала, заявляет о своем «полном понимании и одобрении политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности». Иначе говоря: он не только в принципе признает необходимость усиления военной мощи своего будущего союзника, но целиком солидаризируется и с теми конкретными мерами, которые принимает этот союзник в целях такого усиления и с которыми так жесто-

шей из потребления огромную часть народного дохода, и уничтожением всякой возможности коллективной, организованной борьбы трудящихся она держит трудящиеся массы на невообразимо низком жизненном уровне и тем создает зияющую диспропорцию между неподвижностью их нищеты и быстрым подъемом благосостояния высшего, квалифицированного слоя советского общества. Мы критикуем ее за то, что вся ее террористически-бюрократическая политика стимулирует те, возникающие на основе неизбежного пока неравенства, тенденции, которые ведут к все большему усилению неравенства, к расцвету эгоцентрического индивидуализма, к закреплению отрыва лучше обеспеченной верхушки от тех масс, из которых она вышла, к фактическому, если пока еще не юридическому, закостенению ее в особый, привилегированный социальный слой «знатных людей». Между тем подлинно социалистическая политика, признавая неустрашимость неравенства на всем протяжении «переходного периода», ставит себе задачей укрепление и развитие тенденций совершенно противоположного характера, практически и идейно подготовляющих смягчение а затем и полное упразднение неравенства в меру подлинного развития социализма.

Эту опасность «закрепления и закостенения неизбежно возникающего пока избранного слоя (элиты)» видит и Бауэр. В полном согласии с нами он приходит к заключению, что эта опасность «может быть предотвращена лишь в том случае, если сам этот избранный слой и его привилегии будут поставлены под контроль народа, из которого этот слой выделяется». И мы можем лишь подписаться под словами Бауэра, когда он говорит, что «достигнуто это может быть лишь путем постепенной демократизации советского режи-

ма». Таким образом, если поиски реальных путей к борьбе за демократию в нашу эпоху неизбежно приводят к признанию неразрывной связи этой борьбы с борьбой за власть трудящихся и социализм, то поиски реальных путей к борьбе за социализм в Советском Союзе столь же неизбежно подводят вплотную к постановке проблемы политической демократии.

***

Но и к проблеме политической демократии, как и к проблеме социализма, социалдемократия подходит без тени фетишизма и догматизма. Будучи убежденными социалистами, мы однако решительно боремся с политикой немедленного «интегрального социализма», потому что на деле эта политика достигает результатов, как раз обратных тем, которые провозглашает своей целью. Нет никакого противоречия в том, что по тем же самым причинам мы, будучи убежденными демократами, решительно выступаем против политики немедленной «интегральной демократии». Исходя из сложившегося в Советском Союзе соотношения сил, наша партия всегда полагала, что лозунги, непосредственно противопоставляющие режиму террористической диктатуры режим демократической республики, на деле — и, конечно, вопреки воле провозглашающих эти лозунги — неизбежно будут служить защитным прикрытием для сил контр-революции. И даже в эпоху нэпа, когда мировая и внутрисоветская обстановка делала вероятной более или менее длительную стабилизацию капитализма, наша платформа категорически подчеркивала, что утверждение демократической республики в России мыслимо «лишь в итоге последовательного нарастания сил трудящихся, лишь в перспективе их борьбы, непо-

ченно борются его французские товарищи (вернее было бы, быть может, сказать: подчиненные!) по Коминтерну.

Мы не будем останавливаться сейчас на характере и смысле Сталинского выступления с точки зрения внутренне-политической эволюции Советского Союза, хотя и на перспективы этой эволюции выступление бросает яркий свет. Но, делая свое заявление, и притом делая его не в порядке секретного совета или приказа своим французским друзьям, а соглашаясь на его торжественное опубликование, Сталин знал, конечно, в какое невозможное положение ставит он французских коммунистов, да и не только французских, — ибо заявление его дезавуирует не только конкретную борьбу французских коммунистов против конкретных мероприятий французского правительства, но и всю ту «пораженческую» установку по отношению к войне, которая обща коммунистам всех стран: та словесная и логическая эквилибристика, которую изо дня в день вынуждены проделывать писатели «Юманитэ», чтобы хоть как-нибудь сохранить и свое «лицо», и культ обожаемого «вождя людей», так постыдно предавшего их, вызывает, по человечеству, истинное сострадание к ним! Сталин не мог не понимать, какой морально-политической катастрофой будет и для французского, и для всего мирового коммунизма, его заявление. Если он все-же не только сделал его, но согласился на его опубликование, значит — он был к этому вынужден. Ис точки зрения характеристики международного положения причины, вынудившие его к столь самоубийственному акту, и представляют особый интерес.

Конечно, в их конкретности мы этих причин не знаем и вряд-ли скоро узнаем. Но общий характер их вряд-ли может подлежать сомнению. Диктатор Советского Союза должен был считать военную опасность очень близкой и грозной и должен был, в предвидении этой

средственной целью которой может и должно быть завоевание отдельных позиций и постепенная, последовательная демократизация государственного и общественного уклада».

Теперь, к традиционным нашим аргументам в пользу политики «постепенной демократизации» прибавляется новый и, на мой взгляд, решающий: как и во всем мире, и даже еще больше, чем во всем мире, «интегральная демократия» возможна в Советском Союзе лишь на основе «интегрального социализма». Ибо, если исторически, вследствие поражения мирового пролетариата в его решающей схватке с мировым фашизмом, и оказался бы неизбежным этап капиталистической реставрации, то здесь, как я старался показать в первой части своей статьи, он более, чем где либо, оказался бы возможным лишь в самой свирепой, диктаторски-фашистской оболочке. Лишь победа социализма восстановит и создаст почву для утверждения «развернутой демократии». Пока этой победы нет, пока весь капиталистический мир переживает «переходный период», а с ним вместе, хотя и в иных формах, такой же период переживает Советский Союз, лозунг «интегральной демократии», политически опасный, и по существу является утопией и самообманом. Если мы в этот период хотим реально, а не на словах бороться за демократию и подготавливать ее конечное торжество, то мы должны решительнее, чем когда-либо, порвать с догматикой и абсолютами, и тверже, чем когда-либо, идти по пути борьбы за постепенную демократизацию существующего советско-диктаторского режима.

Но по этому пути мы должны идти непременно и с непреклонной решимостью. Того требуют, как мы видели, самые элементарные интересы той борьбы за про-

опасности, очень, «до зарезу» нуждаться в какой-то очень реальной помощи (оружием-ли, другими-ли поставками, займом-ли на восстановление и развитие транспорта или чем-либо иным), чтобы в такой степени капитулировать перед своим французским собеседником, так дать поставить себя «на колени». И это бросает свет на характер тех взаимоотношений, которые могут установиться в ходе борьбы за предотвращение войны и еще больше в ходе самой возможной войны между большевистской диктатурой и союзными ей буржуазными правительствами и развиваться, как уже неоднократно приходилось говорить, в том же направлении, в каком развивались взаимоотношения между Временным Правительством и его союзниками в «февральскую» эпоху революции. Так представляется дело, если подойти к нему под советским углом зрения. Под углом-же зрения французским надо думать, что, если Лаваль настойчиво добивался и, вопреки встреченному, по сообщениям французских корреспондентов, сопротивлению, добился столь сенсационного личного заявления Сталина, то потому, что французское правительство само имеет в виду предпринять новые и весьма внушительные шаги в сфере «политики государственной обороны» и желает заранее пустить в ход самые сильно-действующие средства, чтобы ослабить и дезорганизовать возможное сопротивление этим шагам со стороны коммунистического и социалистического пролетариата.

**

В итоге приходится констатировать, что ни франко-и чехо-советский пакты, ни варшавское и московское свидание оснований для утешительных иллюзий не дают. Мир по-прежнему висит на волоске. Военная опасность по-прежнему остается грозной. И самое опасное в положении — то, что нет достаточной ясности в позиции и политике международного рабочего класса. К-

летарский социализм, которая составляет смысл существования нашей партии. Отказаться от самой решительной борьбы за демократизацию режима, т. е., хотя и за постепенное, но неуклонное расширение и закрепление прав рабочего класса и всех трудящихся на свободную, организованную самостоятельность и властное волеизъявление, значило бы отказать нашей партии в праве на существование. Мы должны вести эту борьбу за демократизацию. Она должна быть основным стержнем всей нашей работы. Но из всего сказанного выше ясно, что реальных успехов этой борьбы можно ожидать лишь постольку, поскольку она будет искать опоры единственно в трудящихся массах, в первую голову в рабочем классе, поскольку знаменем ее, ее ясною, открытою целью и оправданием будет предотвращение контр-революции и продвижение к социализму в указанном выше смысле, поскольку и вся демократическая критика политики большевистской диктатуры будет вестись нами именно под этим углом зрения.

**

В обстановке общего кризиса мирового капитализма благоприятным условием для такой борьбы за демократию является отсутствие в Советском Союзе капиталистической буржуазии в широком смысле этого слова, т. е. крупных собственников средств производства в промышленности и сельском хозяйстве и владельцев крупных финансовых и торговых капиталов, — класса, который в данную историческую эпоху всюду более или менее «фашизируется». Правда, в Советском Союзе уже образовался и еще образуется обширный слой бюрократов, служащих и т. д., не принимаю-

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

минтерн, и без того беспомощно путавшийся в стремлении сочетать военную защиту Советского Союза с «пораженчеством», окончательно дезориентирован заявлением Сталина. Но было бы самообманом не видеть, что и Социалистическому Интернационалу не удалось до сих пор освободить свою политику в вопросах мира и войны от неразрешимых противоречий и добиться необходимой ясности и единства в своих рядах. Об этом неоднократно уже приходилось и еще придется говорить. Сейчас достаточно еще раз напомнить, что, как и в 1914 году, вопрос идет о жизни и смерти Интернационала. В этом вопросе, говоря словами заглавия одной из Плехановских статей в старой «Искре», больше всего и прежде всего — «ясность необходима!»*).

Ф. Дан.

*) Приходится в этой связи сказать несколько слов по личному поводу. В № 20 «Il Nuovo Avanti», органа итальянских социалистов, в статье, посвященной последнему заседанию Бюро РСИ, т. Модильяни рассказал, между прочим, о том, что, при голосовании помещенной выше резолюции РСИ о международном положении, он и я воздержались. Я не предполагал предавать этого факта гласности, так как заседания Бюро РСИ считаются закрытыми, организационными, и более подробные отчеты о ходе прений в этих заседаниях не публикуются. Но, раз т. Модильяни сделал публичное заявление о моем воздержании от голосования, мне остается лишь подтвердить этот факт. Мотивировал я свое воздержание критикой принятой резолюции именно с точки зрения ее противоречивости и неясности. Во избежание недоразумений добавлю, что к моей критике, в основном, присоединился и кое-кто из товарищей, считавших более целесообразным все же подать голос за резолюцию.

„Великий лозунг“

«Сталин 4-го мая бросил великий лозунг: «кадры решают все». Этот лозунг знаменует собою начало новых отношений между людьми».

«Правда» от 4 мая.

Центральный орган правящей партии настойчиво подчеркивает, что последние выступления Сталина — в беседе с металлургами в конце прошлого года, во время встречи с участниками первомайского парада и на выпуске академиков Красной армии 4 мая — «связаны между собою железным единством». Несомненно, диктатор делает какой-то большой поворот, не укладывающийся в рамки повседневного тактического маневрирования. Но какой именно? Сквозь густой фимиам, окутывающий благовонным облаком кремлежитателя, нелегко различить действительное направление, в котором совершается очередное маневрение державной руки.

В своей беседе с академиками Красной Армии, как и в прежней беседе с металлургами Сталин счел нужным начать с исторического оправдания генеральной линии, ее методов и темпов. Самая необходимость повторно доказывать историческую неизбежность и оправданность генеральной линии не свидетельствует ли о наличии в стране — и в армии — больших сомнений на этот счет, а, может быть, и растущего разочарования в экономических и социальных ре-

ший непосредственного участия в процессе производства и живущий за счет той «прибавочной ценности», которая создается трудом непосредственных производителей. Этот слой является тем человеческим материалом, который в своей совокупности составляет «аппарат» диктатуры, ее живую социальную ткань и из которого постепенно выделяется «элита», т. н. «знатные люди». Слой этот отнюдь не мал. Если взять советские данные о «классовой структуре городского населения» за 31 г. (данных для всего населения и более поздних данных для городского в нашем распоряжении не имеется), то окажется, что из тех 49% городского населения, которые причисляются к «самодетельному», т. е. имеющему собственный источник средств существования, на рабочих приходится 22%, т. е. менее половины, на служащих 14%, на получателей государственных и общественных пенсий и т. п. 8%, на самостоятельных производителей 4% и на прочих 1%. Иначе говоря: соединяя вместе категории служащих и пенсионеров, мы получим, что в городах на каждого рабочего приходится один житель, живущий, прямо или косвенно, за счет прибавочной ценности, создаваемой этим рабочим.

В статьях о «знатных людях» я имел уже случай указывать, что при определенных мировых и внутренне-политических предпосылках в этом обширном социальном слое, составляющем костяк диктатуры, могут обладать тенденции, способные превратить его в источник зарождения и возрождения подлинной буржуазии. Но в тех-же статьях я подчеркивал те особенности в развитии этого слоя, которые рождают внутри его тенденции и прямо противоположного характера. Среди этих особенностей — социальной «юности» этого слоя,

его плебейского происхождения, отсутствия у него собственности на средства производства, его интимной связи с трудящимися массами, идейно-психологического состояния самих этих масс и т. д. — самой важной является та роль «гегемона», которая в русской революции, в противоположность французской, выпала на долю рабочего класса.

В воздействии рабочего класса на все социальные слои советского общества и, через них, на ход и исход русской революции и лежит ключ к судьбам демократии и социализма в Советском Союзе. Основная задача российской социалдемократии состоит поэтому в мобилизации этого пролетарского воздействия в том направлении, которое я пытаюсь выше наметить. Отсюда ясно, какое роковое значение имело бы для нашей партии, если бы в ней утвердилось так или иначе обосновываемое, высказанное или невысказанное представление о фатальной неизбежности, предрешенности термидорианского, бонапартистского или иначе как либо характеризуемого, но, по существу, контр-революционного «перерождения» большевистской диктатуры, а вместе с тем и финала великой русской революции. Такое представление, хотим мы того или нет, на деле неизбежно уведило бы нашу партию на путь «чисто рабочей» политики, т. е. защиты интересов рабочего класса на почве строя, не им, без его участия и даже вопреки его воли созданного. Эти «пессимистические перспективы» как указал по однородному поводу Мартов еще свыше 12 лет тому назад в своей последней, написанной для нашего органа статье, ведут к уходу «на узенькую тропиночку, в стороне от обще-национальных задач и бурь, чтобы потихоньку, да полегоньку творить свое «чисто-классовое» дело».

зультатах генеральной линии, оплаченных ценой неслыханных лишений и жертв?

Сталин продолжает настаивать на том, что историческую задачу перевода страны «с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства» можно и нужно было разрешить только в кратчайший срок и только методами генеральной линии. Неубедительность этого доказательства была показана нами в статье «Гуманизм диктатуры» («С. В.» № 2). В беседе с военными академиками Сталин счел нужным дополнить прежнюю аргументацию для доказательства своего положения, что «не было другого пути» для индустриализации страны, как решимость «пойти на все жертвы и навести на всем жесточайшую экономию... и на питании, и на школах, и на мануфактуре». Выбор этого пути преодоления «голода в области техники» организованным голодом населения Сталин объясняет тем, что в противном случае страна рисковала бы «растерять свою независимость». Для академиков Красной Армии этот аргумент от военной необходимости понятен неотразим. Напомним, что в свое время Ленин, поворачивая на нэп, задним числом оправдывал военный коммунизм велением военной необходимости. Теперь Сталин, тоже задним числом, пытается оправдать генеральную линию, это расширенное издание военного коммунизма, ссылкой на превентивно-военную необходимость. При этом Сталин, в порядке все того же самооправдания, пробует прямо прикрыться авторитетом Ленина: «Так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина».

По стопам Ленина!.. Но для Ленина натяжка исторического оправдания военного коммунизма потребностями военного времени была лишь прологом кobby в лению передышки, — правда, не без помощи «догадавших» его кронштадтских пушек. Собирает-

ся-ли и Сталин, шествуя по стопам Ленина, «всерьез и надолго» дать народу передышку от генеральной линии? По многим признакам потребность в такой передышке в стране неудержимо растет, особенно в новом правящем слое «знатных людей», жаждущих «зажиточной и красивой жизни», чтобы освоить и переварить завоевания второй гражданской войны, эпохи раскулачивания и коллективизации. Но из речей Сталина от 2 и 4 мая еще неясно, проектирует ли он реальную «передышку», или предполагает обойтись частными уступками да дешевым «гуманизмом» и показным «народолюбием».

За второй вариант говорит как будто запоздало-страстная полемика Сталина направо, против тех, кто «после первых же трудностей стал звать партию к отступлению», кто называл форсированную индустриализацию «опасной мечтой», кто считал нужным «приналечь сперва на ширпотреб». Речь явно идет о правой оппозиции. Показательно, что в то время, как беседа с металлургами, имевшая место под свежим впечатлением убийства Кирова, была полемически заострена налево, против «охвостья» троцкистско-зиновьевской оппозиции, речь Сталина перед военными академиками заострена направо, против безформенной, но живучей правой оппозиции, полупрошенной и допущенной к деловой работе на вторых и третьих ролях. Если левой оппозиции вменялась в вину организация террористических покушений на вождей, то и правой оппозиции многозначительно напоминает, что противники генеральной линии «не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением», что в свое время они «угрожали кое-кому из нас пулями». «Понятно, — заканчивает Сталин свою историческую справку, — мы и не думали сворачивать с ленинского пути». Кой-кому при этом «пришлось помять бока», к чему и сам автор генеральной линии «тоже приложил руку», но зато теперь путь ин-

«Но, прибавлял Мартов, — и слова его звучат сейчас убедительнее, чем когда-либо! — в революционную эпоху выхода на узенькие тропинки не дано. Надо ходить по тем большим дорогам, которые проложены историей».

Конечно, защита повседневных интересов рабочего класса остается одной из наших первостепенных задач. Конечно, свобода самостоятельных организаций рабочего класса, политических и профессиональных, наш важнейший лозунг. Но мы должны неустанно звать рабочий класс к тому, чтобы, защищая свои интересы сегодняшнего дня, он подходил к этим интересам с мерилем своих завтрашних задач, с мерилем своих высших, «конечных» классовых интересов, заключающихся в борьбе за демократизацию режима и через эту демократизацию за социализм. Нет сомнения, что социалдемократическая работа в этом направлении будет нелегка; что усталые, измученные 18-летними лишениями и напряжением, рабочие массы могут пойти по линии наименьшего сопротивления и отказаться от того права революционного первородства, которым наделила их история. Это было бы гибелью русской революции: равнодушные масс к «широким задачам» было всегда фундаментом контр-революции.

Политика социалдемократии не может строиться на этом равнодушии. Она должна строиться на борьбе с ним. Она должна непрерывно разъяснять рабочим, что отказ от воздействия на другие классы и тем самым от воздействия на разрешение «общенациональных задач» равносителен социально-политическому самоубийству рабочего класса. Она должна звать рабочих к этому воздействию и, прежде всего, к воздействию на основной класс советского общества — крестьянство.

***

Одним из наиболее ярких свидетельств социальной перегруппировки, совершающейся в оболочке «генеральной линии», является быстрый рост городского населения. В январе 1914 года города насчитывали 24.686,6 тысяч жителей. К концу нэпа, в середине декабря 1926 г. немногим больше: 25.321,5 тысяч. К концу же первой пятилетки, к январю 1933 г., — 38.702,3 тыс. При возрастании общей численности населения на 19% (с 139.312,7 тыс. до 165.748,4 тыс.) городское население увеличилось почти на 57%. Это — весьма существенный социальный сдвиг. Но преувеличивать его значительность все же не следует. Совет. Россия остается все же страной деревенской, крестьянской по преимуществу: если в 1914 г. городские жители составляли 17,7% населения, а сельские — 82,3% (в 1926 г., при общей численности населения в 147.027,9 тыс., пропорция городского населения даже несколько упала — до 17,2%, а сельского поднялась до 82,8%), то и к 1933 г. на городских жителей приходилось все же лишь 23,4% населения, а на сельских — 76,6%.

Таким образом свыше 3/4 населения Советского Союза продолжают жить в условиях деревенского быта. Разумеется, не все 127 миллионов сельских жителей крестьяне. Но та прослойка чиновников, служащих, кустарей, ремесленников, рабочих и т. д., которая среди них имеется, представляет собою островок в крестьянском море, живет в его окружении, подвергается его непрерывному воздействию. С точки зрения судеб демократии и социализма в России это обстоятельство могут игнорировать те, кто по-просту зачисляет весь «колхозный сектор» крестьянского хозяйства по «со-

дустриализации и коллективизации «можно считать уже пройденным».

Что это — первое предостережение по адресу правой оппозиции, поднимающей сейчас голову в связи с хозяйственными трудностями и, особенно, в связи с опасностью войны, — опасностью, заставляющей Сталина под диктовку союзников перестраивать и укреплять тыл в духе правой оппозиции? Или это обычный прием: огневой завесой нападок на оппозицию прикрывать готовящееся отступление? Мероприятия последних месяцев, начиная с ноябрьского пленума, заставляют думать, что имеет место отступление, замаскированное нападками то на левую, то на правую оппозицию, но отступление непродуманное, нерешительное, с отбоями и перебоями, никого не удовлетворяющее и только раздражающее аппетиты разных социальных слоев, частью наново сформировавшихся, частью перепластовавшихся в эпоху генеральной линии. Неоформленное давление этих социальных сил, благоприятствуемое внешнеполитическими факторами, заставляет власть менять курс, но оно недостаточно сильно и сознательно, чтобы навязать власти радикальную и реальную перемену курса.

По прежнему Сталин всю многосложную проблему кризиса генеральной линии сводит к проблеме кадров. Важность этой проблемы вне спора. Недостаточность и низкое качество технических кадров давали себя остро чувствовать уже в период форсированного строительства. Тем острее делалась проблема кадров, когда на очередь встал вопрос о рациональном и рентабельном освоении сложного технического оборудования, частью импортированного из-за границы, частью произведенного в самой России под руководством и по чертежам иностранных специалистов.

Военно-хозяйственная экипировка Советской России, как великой державы, вчер-

не закончена. Но общая и техническая малограмотность населения, но низкая производительность труда, но еще более низкое качество продукции делают это огромное «нагромождение машин» в городе и деревне хозяйственно и военно-политически неоправданным. Отсюда выдвигание в центр, в качестве «великого лозунга», проблемы кадров. Отсюда поворот к «людям, овладевшим техникой». Отсюда технологический гуманизм, идеологически рядящийся в яркие одежды «социалистического гуманизма». Отсюда противоположное и кошунственное превращение Сталина, — не к одному только сокращению ребер многовидной оппозиции руку приложившего, — в христосообразного богочеловека, из уст которого, по елейному акафисту «Правды», «струится несказанная лирическая мягкость и любовь к человеку — творцу социализма».

Неслучайно Сталин счел нужным свой новый великий лозунг «кадры решают все» повторить на выпуске в оенных инженеров. Ни для кого не составляет секрета, что французские военные круги до самого последнего времени были невысокого мнения о военном-хозяйственном «потенциале» Советской России, о способности понастроенных в порядке темпомании промышленных гигантов обеспечить на случай длительной войны бесперебойное снабжение миллионных технизированных армий и о провозной способности советского транспорта на случай мобилизации и для нужд массовой переброски войск и снаряжения. Сталинский припадок челоколюбия это в немалой степени производное от патристической тревоги и от военно-политических забот диктатуры: «будут у нас многочисленные и хорошие кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша страна будет непобедима».

«Правда» видит в этом деловом, почти «деляческом», лозунге: «не одна техника — кадры решают все» не

циалистическому» ведомству. Но оно имеет первостепенное значение для того, кто понимает, что, в условиях товарно-денежного хозяйства, вынужденное вхождение крестьянина в колхоз, в так наз. «обобществленный» сектор, само по себе так же мало и даже еще гораздо меньше меняет его «мелко-буржуазную» природу, чем добровольное вступление его в сбытовую и даже производственную кооперацию. Само по себе вхождение в колхоз и закрепление коллективных форм хозяйства создает для крестьянина лишь новые условия, новые формы и новые методы борьбы за те же «мелко-буржуазные» интересы и цели, которые он вчера еще — в других условиях, в других формах и другими методами — отстаивал в своем единоличном хозяйстве. И свободная кооперация лишь при определенных экономических и социально-политических предпосылках может стать орудием и формой вовлечения крестьянства в русло пролетарской социалистической борьбы и социалистических общественных отношений. Тем более приходится сказать это о принудительно навязываемых крестьянству, хотя бы в конечном счете, в силу ряда обстоятельств, и «принятых» им колхозах.

Таким образом преобладание и упрочение колхозных форм хозяйства отнюдь не снимает задачи пролетарского воздействия на крестьянство. Но, разумеется, речь идет не о пропагандистском воздействии, а об определенной политике, носителем которой должен выступить рабочий класс и которая планомерно направляется к тому, чтобы сделать крестьянство прочным союзником пролетариата в борьбе за демократизацию режима и за социализм.

Перед рабочим классом Советского Союза стоит таким образом, в несколько иных формах, но по существу

та же самая задача, которая стоит и перед рабочим классом всех стран капиталистического мира. Всюду в этом мире социальные силы располагаются в виде треугольника: капиталистическая буржуазия, мелкая буржуазия с ее основным слоем — крестьянством и пролетариат. И всюду задача предотвращения фашизма или борьбы с ним сводится к тому, чтобы помешать буржуазии «фашистски» извратить и в своих целях использовать вызываемый упадком капитализма «анти-капиталистический» бунт мелкой буржуазии и, наоборот, канализовать этот бунт в русло пролетарской борьбы за демократию и социализм. В Советском Союзе «треугольник» имеет несколько иной вид. Место капиталистической буржуазии здесь занимает диктатура, все более эмансипирующаяся от прямой зависимости от тех классов, из которых она вышла, все более приобретающая вид самостоятельной социальной силы, опирающейся на разветвленный, охватывающий сотни тысяч, если не миллионы людей «аппарат» *). Если бы в этой треугольной системе диктатура могла непосредственно соединиться с мелкой буржуазией, через голову пролетариата и против него, стать «мужичкой», то это и была бы форма «советского бонапартизма» или «фашизма». Задача рабочего класса в борьбе за предотвращение такого финала и заключается в союзе с крестьянством во имя ликвидации террористической диктатуры, во имя демократизации режима, как непосредствен-

*) Так наз. «трюкисты» видят в нашей констатации возрастающей «самостоятельности» диктатуры отказ от «классового анализа». Они, повидному, твердо убеждены, что анализ станет «классовым», если **то-же самое явление** мы будем вместе с ними называть «бюрократическим извращением пролетарской диктатуры». Дело литературного вкуса!

больше и не меньше как «начало новых отношений между людьми», притом не только в Советской России, но и «во всем мире». Такое расширительное толкование призыва к заботливому выращиванию и бережению «людей, овладевших техникой» не находит себе подкрепления ни в словах, ни в действиях Сталина, несколько поспешно провозглашенного «Правдой» по случаю речи о кадрах «вождем человечества». Хорошо, конечно, что автор генеральной линии, основанной на возвеличении машины и на низведении человека до безответной «рабсилы», додумался, наконец, до азбучной истины, что «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Хорошо, что после рапортов о состоянии машин на «социалистических» фабриках Сталин размечтался о рапортах, которые давали бы точные справки о состоянии кадров. Поздновато только наш человеколюбец вспомнил о «живых придатках к мертвой машине». Поздновато стал учить более гуманному отношению «людей к людям». Не он ли насаждал сверху «бездушно-бюрократическое и прямо безобразное отношение к работникам», которое он сейчас клеймит? Не его ли темпомания, помноженная на машинный фетишизм, повинна в том, что в стране советов «людьми швыряются, как пешками», а то и попросту тысячами гноят на стройках и на лесозаготовках?

Новые вариации на тему о гуманизме грешат все тем же пороком. Проблему человеческой личности в советском государстве Сталин сводит к вопросу о военных и технических кадрах, а проблему кадров он решает вне проблемы личной свободы, свободы духовного развития и коллективной самодеятельности, вне связи с вопросом о возвращении на путь экономического реализма, способный обеспечить подлинный материальный и культурный подъем трудящихся масс.

ной политической цели, во имя укрепления и развития социалистических «потенций», как конечной перспективы.

Но, если в этом смысле задача советского рабочего класса аналогична задачам мирового пролетариата, то, как я неоднократно имел уже случай указывать (в частности, в статьях о «знатных людях»), условия для разрешения этой задачи в пролетарском смысле более благоприятны в Советском Союзе, чем где бы то ни было, — и благодаря всему ходу русской революции, и благодаря взрощенной этой революцией идейно-психологической установке трудящихся масс, и благодаря создаваемому колхозным строем условиям крестьянской борьбы за крестьянские, «мелкобуржуазные» интересы, и, наконец, благодаря тому, что на третьей стороне треугольника советский пролетариат имеет перед собою не капиталистическую буржуазию, недоступную пролетарскому воздействию, а составляющий живой аппарат диктатуры человеческий материал, который и в силу своего социального происхождения, и в силу условий своего экономического и социального «бытия» сам поддается воздействию трудящихся масс, воздействию рабочего класса.

***

Советский рабочий класс может поэтому разрешить задачу предотвращения контр-революционного срыва русской революции. Но для этого он должен сознательно ставить перед собою эту задачу и отдать себе ясный отчет в тех путях, которые к разрешению ее ведут. Долг и смысл существования нашей партии заключается в том, чтобы непрерывно ставить перед пролетарским сознанием эту задачу — ставить, опять-таки, не

Программа кадров, в которую уперлась генеральная линия, подвела диктатуру к проблеме отношения к беспартийным. Забота о кадрах делает прямо неизбежным известные авансы беспартийным. Тем более поворот лицом к беспартийным диктуется обстановкой военной опасности. В своем нагнетании о приеме участников первомайского парада Сталин, под несомненным влиянием военно-политических потребностей момента, сделал попытку перекинуть мост к беспартийным. Эта ставка на беспартийных делалась большевиками и раньше, всякий раз, когда на очереди была мобилизация патриотических чувств, напр., во время польского наступления 1920 г. «Беспартийные большевики» Сталина это те же «честные беспартийные» Зиновьева. Но едва ли вредительские процессы отбили память у беспартийных спецов. Ответный порыв спецов всякого рода, военных и штатских, продиктован сейчас не столько доверием к сталинским посулам уравнивать беспартийных с партийцами... в обязанностях, сколько патриотической тревогой.

Тема о человеке в аспекте предвоенной «мобилизации духа» логически осложнилась темой о народе. В последних речах Сталина нота «любви к отечеству и народной гордости» звучала особенно громко. Власть хочет — принуждена — перед лицом внешней опасности выступить, как власть народная. Партия и народ сейчас противостоят друг другу — надо это противоречие замазать! Надо создать — особенно вопиющее — впечатление единства власти и народа. И вот Сталин на приеме в Кремле 2 мая торжественно заявляет: «Наше правительство и партия не имеют других интересов и других забот, кроме тех, какие есть у народа». А «Правда», развивая эту тему в порядке идеологической подготовки «священного единения», пытается в № 129 доказать, что диктатура большевиков это власть народа, что вождь большевиков

пропагандой только «идей» свободы, демократии и социализма, а определенной трактовкой всех текущих проблем советской жизни — и указывать ему эти пути.

Но для этого наша партия, прежде всего, сама должна быть на уровне своей исторической миссии. Эта миссия — вся еще в будущем. Сейчас наша партия представляет собою почти исключительно не практическую, а идейно-политическую силу. Но идея может стать практической силой лишь в том случае, если она своим размахом и широтой, своим соответствием основным, большим линиям исторического развития способна апеллировать не только к разуму, но и к чувству тех масс, к которым обращается, способна вдохновить те молодые поколения, которые смутят в будущее и будут строителями его. Ничто поэтому не может быть опаснее для нашей партии, чем заострение в переживших себя формулах и догматах, чем крохоборчество, которое редко бывает «практичным» и для массовых партий, твердо стоящих на почве повседневной политической практики, но которое превращается в верх «непрактичности» для партии, этой политической практики пока лишенной. В вопросах внутренней, внешней и международно-пролетарской (движение к единству) политики, в Советском Союзе и в Интернационале — наша партия неизменно должна быть носителем пролетарско-социалистических, революционных, ориентированных на большие линии исторического процесса идей. Ибо ей, повторяя слово Мартова, менее, чем кому-либо, дано ходить по «узеньким тропинкам». Ее будущее более, чем у кого-либо, лежит на тех «больших дорогах, которые проложены историей».

Ф. Дан.

это вождь народа. Доказательство простое: власть большевиков это диктатура пролетариата, а «диктатура пролетариата на языке государственных понятий это власть народа». Кого хотят большевики этим софизмом обмануть? Трудящихся России? Западную Европу?

Лицом к человеку, лицом к беспартийным, лицом к народу... Все это звенья одной и той же цепи. В своих конечных очертаниях и целях поворот, проделываемый сейчас диктатурой под двойным влиянием внутри- и внешнеполитических факторов, еще неясен. Лишь одно ясно: диктатура вынуждена искать — и на свой манер

ищет — какого-то расширения социальной базы то на путях технологического «гуманизма», то на путях фиктивного «демократизма», то в форме заигрывания с беспартийными и апелляции к «народу». Но попытки расширить социальную основу власти при сохранении ее диктаторского характера, т. е. без разрешения основного политического вопроса об обеспечении личной свободы и подлинного народовластия, это неразрешимая задача квадратуры круга!

П. Гарви.

О зажиточности и расслоении

Молотов и Яковлев, для доказательства роста благосостояния сельского населения СССР, приводят данные о росте продукции различных отраслей сельского хозяйства.

Мы не раз писали о явлениях прогресса в колхозном хозяйстве, вызывая этим раздражение у экономистов правого направления, однако, мы всегда одновременно указывали на важное обстоятельство, не позволяющее быть оптимистичными в оценке состояния советского сельского хозяйства. Рост сельского хозяйства происходит более медленно, чем рост населения страны и гораздо медленнее, чем возрастание продукции в других областях народного хозяйства. Следует также помнить, что в области животноводства только в 1934 году едва-едва преодолены явления резкого регресса, а между тем именно животноводство доставляло населению страны весьма существенную часть продуктов питания. Следующие несколько цифр покажут, как велико отставание сельского хозяйства.

	Годы : 1913	1929	1934
Население	100	107	121
Чугун	100	103	247
Уголь	100	133	310
Зерновые хлеба	100	88	110
Хлопок	100	116	178
Лошади	100	97	43
Тракторы (в работе) л. с.	—	391	3.100

Коллективизация, оплаченная вымиранием миллионов крестьян, оказалась оплаченной и гибелью более половины скота. Но она в то же самое время перевела сельское хозяйство на более высокую ступень агрокультуры, способствовала быстрому увеличению механизации и машинизации производства и общему культурному под'ему деревни. В сельском хозяйстве СССР за последние годы созданы благоприятные предпосылки для быстрого развития всех отраслей сельского хозяйства, но эти возможности реализуются весьма медленно из-за общей и крестьянской политики советской власти.

Но все же прогресс в производстве зерновых и технических культур, хотя и медленный, — факт несомненный. Однако, это обстоятельство еще совсем не доказывает достижения сколько-нибудь высокого уровня благосостояния сельского населения.

Для удовлетворения всех нужд, т. е. для пропитания городского населения, для прокорма скота, для посева, для промышленных целей*), для экс-

порта и для образования страховых запасов на случай войны — хлеба явно не хватает. Если сравним три пятилетия: предвоенное (1908-13 гг.), непозднее (1924-28 гг.) и пятилетки (1929-33 гг.), то в первое пятилетие среднее годовое количество хлеба было 745, во вторую 732 и в третью 749 млн. дв. цен. Но в то же время на душу населения в 1913 г. приходилось 5,8 центн., а в 1935 г. — только 5,3 центн. хлеба, даже если исходить из официальных цифр урожая. А между тем, следует учесть то, что сейчас хлеб в питании населения играет большую, чем в довоенное время, роль.

Но когда поставлена задача выяснить не размеры хлебной продукции и даже не среднее душевое количество хлеба в отношении всего населения, а степень насыщения хлебом деревни, то надо проанализировать, какое количество хлеба остается в деревне для нужд сельского населения. Точных данных для определения баланса хлеба в современной СССР, к сожалению, нет. Приходится иметь дело с косвенными показателями. Так как современные размеры хлебного экспорта значительно ниже довоенных, то общее количество хлеба, остающегося в стране, сейчас больше довоенного. Но советское государство из года в год изымает из деревни все возрастающее количество хлеба. В 1929 г. государство заготовило в деревне 151 млн. дв. центн., в 1932 г. — 187 млн. дв. центн., в 1933 г. — 200 млн. дв. центн., а в 1934 г. в порядке обязательной сдачи и закупки свыше 300 млн. дв. центн. Если раньше запасы хлеба были у крестьян — обычно в среднем около 300 млн. дв. центн. —, то в настоящее время закромы крестьян оголены и запасы хлеба сосредоточены у государства. В свое время ЦСУ сообщило, что государство поставило своей задачей создать запас не менее двух млрд. пуд. хлеба. Надо думать, что сейчас под давлением перспективы войны советское государство в ударном порядке создает именно эти запасы. Кроме того, из-за дефектов карточной системы в каналах городской распределительной сети всегда «затоваривалось» большее количество хлеба. Это предположение сейчас подтверждается тем, что лишь только была отменена карточная система на хлеб, как хлеба оказалось вполне достаточно для бесперебойного прокормления городского населения.

Но если можно считать, что вопрос о том, куда и как распределяет государство собранный им хлеб, недостаточно выяснен, то во всяком случае бесспорно, что в деревне в настоящее время остается хлеба гораздо меньше, чем было не только в довоенное время, но даже в годы нэпа.

Многочисленные отчеты колхозов, приводимые журналом «Соц. Реконстр. С. Х-ва» (№-ра 1, 8, 9 1934 г., № 2-3 1935 г.) показывают, что в распределение на нужды колхозников поступает всего от 35,5 до 62,7% всего валового дохода. Еще более показательны данные,

*) На совещании директоров тяжелой индустрии, директор треста синтетического каучука выразил свое возмущение, что в СССР гонят спирт из пшеницы и расценивают его по 40 р. декалитр, в то время как его можно производить из картофеля и отпускать по 9 р. декалитр.

оглашенные в свое время Молотовым и Черновым. В 1934 г., по данным 83.000 обследованных колхозов (почти 49% всех колхозов), каждый колхозный двор в среднем получил 10,9 центн. хлеба, т. е. приблизительно по 2,2 центн. на душу. По сравнению с 1932 г. это — увеличение почти вдвое, но и эта норма очень далека даже от прожиточного минимума, который в довоенное время исчислялся в среднем 2,5 центн. на душу. И Яковлев в своем докладе откровенно признает, что сейчас колхозник в среднем получает количество хлеба, едва хватающее ему и семье на прокормление, а уже для скота зерна явно не хватает.

Если все-же колхозное крестьянство кое-как сводит концы с концами, то только благодаря получению из колхоза овощей, картофеля, бесплатности лечения, обучения детей и прочих так наз. социальных услуг, а главным образом, благодаря доходам, которые колхозники получают от своего усадебного хозяйства.

Надо со всей решительностью бороться с попыткой советской диктатуры создать представление о том, что современная колхозная деревня в своей основной массе находится хотя бы в первых стадиях благосостояния. Положение основной массы русского крестьянства улучшается столь медленно, что пока приходится считать его еще очень бедственным.

Но если основная масса колхозной деревни далека от благосостояния, то в современных колхозах несомненно уже имеются слои, достигшие довольно высокого уровня благосостояния и даже способные делать некоторые накопления. Хотя и в завуалированной форме и весьма медленным темпом в советской деревне происходит своеобразный процесс расслоения.

Средние статистические данные исполняют свою служебную роль, они дают представление о темпах и основных тенденциях, но о процессах образования отдельных слоев, а тем более о доходах отдельных лиц они не могут дать никакого представления. В свое время первые марксисты начали изучение русской деревни борьбой с привычным в то время оперированием средними величинами («дробь лошади»), они считали необходимым тщательное изучение конкретной действительности, с выяснением того, какие образуются действительные группировки и каков их удельный и социальный вес. Так и теперь для того, чтобы понять социально-экономические процессы, совершающиеся в современной советской деревне, надо оторваться от средних величин и выяснить, как в действительности распределяются крестьянские доходы. К сожалению, советская власть очень мало публикует материалов об общих доходах колхозов, и уж совсем не публикует данных о том, как распределяются эти доходы внутри колхозов. Те статистические данные, которые возможно извлечь из советской специальной печати, не дают возможности сделать мало-мальски обоснованный статистический анализ. Но эти отрывочные данные все-же позволяют характеризовать процессы и сделать некоторые существенные обобщения.

Среди советских экономистов существует мнение, по которому в современной деревне не происходит сколько-нибудь заметной дифференциации доходов. Впрочем, такое единомыслие объясняется раньше всего тем, что проблема расслоения считается в СССР столь одиозной, что немало видных советских экономистов, именно за попытку вскрыть процессы расслоения, попали в опалу. Господствующая в СССР теория утверждает, что в советской деревне нет экономических предпосылок для дифференциации, поскольку земля и орудия про-

изводства принадлежат государству и поскольку доход колхозника определяется его трудом. Это ошибочная мысль.

В свое время Ильин (Ленин) в своей работе «Развитие капитализма в России» очень много места уделил доказательству того, что метод определения дифференциации только по земле или вообще по одному признаку не дает действительного представления о том, какие социально-экономические процессы происходят в деревне. И он, и П. Маслов в своих аграрных работах доказывали, что расслоение деревни надо оценивать по совокупной группе факторов: по земле, по орудиям, по скоту, по подсобным промыслам, по отходничеству, по размеру налоговых тягот и пр. И сейчас при определении расслоения деревни надо иметь в виду еще большую сумму факторов, определяющих средства к существованию отдельного крестьянина.

Современная деревня раньше всего разделяется на две части, живущие в совершенно различных условиях: на единоличников и колхозников. Данных о том, какое имущество и какие доходы имеют 20 млн. единоличников, в советской печати нет. Но материальное положение хозяйства единоличников определяется уже тем, что, по официальным данным, количество земли, приходящейся на одного единоличника, за три последних года уменьшилось в два с половиной раза и теперь в среднем в 2-3 раза меньше, чем у колхозников, что согласно недавнему декрету усадьба единоличника должна быть по крайней мере на 10% меньше, чем у колхозника, что свыше 60% единоличников — безлошадные, что 37% среди них — бескоровные, что они не имеют никакой возможности обновить свои орудия производства, что они обложены налогами, превышающими в 2-3 раза ставки колхозников и т. д. Грань между единоличниками и колхозниками проведена в современной деревне со всей резкостью и решительностью. В то время, когда у колхозников наблюдается хоть медленный, но все же подъем, миллионы единоличников вымирают от голода и зарабатывают свой скудный хлеб не столько от своего хозяйства, сколько наймом батраками в соседние совхозы и колхозы и разными видами отходничества и мешечничества. Наиболее обездоленное положение среди единоличников занимают крестьяне, лишенные всякого земельного надела. Это семьи *лишеницев*, некогда раскулаченных. Местные власти поселили их в избах бывших бедняков, и они прозябают в современной деревне, занимаясь главным образом ниществом. Основную массу среди единоличников составляют так наз. *трудоые единоличники*, — это крестьяне, и в прошлом принадлежавшие к бедной и малосостоятельной части деревни, обрабатывавшие землю трудом своим и своей семьи, но не пожелавшие вступить в колхоз. Они могут сводить концы с концами только с тех пор, как им разрешена продажа сельхоз. продуктов на базарах по рыночным ценам. Их существование находится в полной зависимости от произвола местных властей, то отрезающих у них часть усадебной земли, то назначающих их на гужевую повинность и т. п. Еще два года тому назад наиболее обеспеченными среди единоличников были «*твердозаданцы*» (крестьяне, получающие твердые нормы посевов и поставок от властей), как в прошлом наиболее состоятельные крестьяне. Но сейчас, после трех лет чрезвычайного обложения и «сухого раскулачивания», положение «твердозаданцев» оказалось хуже даже чем *трудоых единоличников*, и они потеряли возможность вести сколько-нибудь рационально свое хозяйство. Положение единоличников делается с каждым годом все более трагичным, ибо вхождение в колхоз очень затруднено (возмещение пая, аттестация райкома, согласие общего собрания и пр.); а ведение еди-

ноличного хозяйства, в условиях современной деревни, совершенно бесперспективно.

Перейдем к процессам расслоения между колхозами. Общеизвестно, что не только в различных областях, но и в одной и той же области были в до-советское время районы бедные годной к обработке земель и более богатые, были районы более и менее перенаселенные. Революционный захват земли, а затем раскулачивание еще более увеличили случайность распределения земли между отдельными колхозами. Имеются колхозы, в которых на одного колхозника приходится земли по 20 - 25 гектаров (Сибирь) и такие колхозы, в которых земли лишь по 2 - 3 гектара на одного колхозника (Рязань). Но и в одной и той же области имеются колхозы с весьма различным количеством пашни на одного работника. Например, по данным Наркомзема в одном и том же Инсаровском районе Средней Волги колхоз «Путь к социализму» имеет на одно хозяйство 3,9 гект., а рядом находящийся с ним колхоз «Новый путь» 6 гект. Это первый и очень важный факт, предопределяющий расслоение. С большего количества земли получают и большие доходы. Напр., колхоз «Путь к социализму» имел в 1933 г. по 40 цент. валового урожая на одно хозяйство, а колхоз «Новый путь» — по 52 цент. («СРСХ», № 1, 1934 г.). А так как советская власть при оказании колхозам помощи исходит не из соображения «уровнировки», а из необходимости обеспечить своевременную обработку всей пашни, то именно тем колхозам, в которых на более количество земли приходится меньшее число работников, отпускается большее количество и тракторов, и машин, и удобрений, и кредитов.

Так создается и второй фактор расслоения, определяющий более высокие доходы одних колхозов по сравнению с другими. Больше количество земли позволяет обеспечить кормами большее число скота. Обследование колхозов Московской области отмечает колхозы, в которых на каждые сто душ приходится по 6 коров и 9 свиней и такие, в которых на каждые сто душ приходится по 19 коров и 20 свиней. Наличие подсобных предприятий, мельниц, крупорушек, фруктовых садов и пасек также увеличивает доходы одних колхозов по сравнению с другими. Советский экономист Кубанин, анализируя колхозы Волоколамского и Шаховского района Московской области, ориентировочно делит их на три группы: а) со стоимостью средств производства на одного трудоспособного до 400 руб. (108 колхозов), б) от 400 до 800 руб. (93 колхозов) и свыше 800 руб. (27 колхозов). («СРСХ», № 2-3, 1935 г.).

Несомненно, что в зависимости от размеров обеспеченности орудиями производства, изменяется и доход колхоза.

Межколхозная дифференциация в очень малой мере находится в зависимости от размеров труда всего колхоза в целом, или от активности отдельных колхозников, а определяется размером того основного и оборотного капитала, который колхоз получил при своем зарождении, или размерами субсидий, которые он получает ежегодно от государства. Если учесть, что в крупном хозяйстве размеры пашни, количество орудий, скота и кредита решающе определяют доходы с.-х. предприятия, то будет ясно, что в СССР предопределено разделение колхозов на богатые, средние и бедные.

То обстоятельство, что в одних колхозах выдают по 3 кгр. на трудодень, а в других по 10, явление обычное. Даже рядом лежащие колхозы выдают колхозникам резко различное количество кгр. хлеба. Напр., колхоз имени Петровского выдал в 34 г. каждой колхозной семье по 22 центн., а колхоз имени Шевченко лишь по 12 центн. хлеба. В Белоруссии одни колхозы в 1934 г. вы-

дали по 2 кгр. зерновых и 6 кгр. картофеля, а другие по 7 кгр. зерновых и по 12 кгр. картофеля на трудодень («Большевик», № 4, 1935 г.).

Межколхозная дифференциация особенно существенна сейчас, когда, согласно решениям властей, осуществляется закрепление за колхозами земель, находящейся в их пользовании, навечно. Землеустройство проводится в таком спешном порядке, или вернее совсем не проводится, что имеются все основания опасаться, что земельное неравенство будет закреплено и сыграет в будущем свою роковую роль.

Но еще более существенны процессы расслоения, происходящие внутри каждого колхоза. Как мы уже писали в статье: «Стал ли колхозник зажиточным» («С. В.» ноябрь 34 г.), доходы в колхозах распределяются в зависимости от тарифных ставок на каждую работу, от числа заработанных трудодней и от премий и вычетов за качество работы. По первому признаку колхозники разделяются на 7 категорий, причем высшая категория оплачивается в 4 раза больше, чем низшая. Это очень большая градация, если учесть, что в деревне нет особенно высоких квалификаций. Советские органы сообщают, что при зачислении в ту или иную категорию наблюдается много произвола. Вторым признаком по идее должен находится в зависимости от трудолюбия колхозника. Но так как в большинстве колхозов людей больше, чем имеется для них работы, то за право на работу, вернее за запись трудодней идет упорная борьба. В 1933 году по обследованным 8 районам СССР около 50% трудоспособных колхозников выработали за год только до 100 трудодней, т. е. меньше трети годовых рабочих дней («СРСХ», № 8, 1934 г.). В 1934 г. на отдельного колхозника приходится в среднем 148 трудодней, что также еще очень далеко от нормальной нагрузки.

Вокруг числа отработанных трудодней происходит очень существенная дифференциация доходов. Мы не можем приводить подробно материал различных дробных обследований. Укажем лишь наиболее обобщенные данные, приведя минимум и максимум. По обследованиям колхозов за 1933 г. в Азовско-Черноморском крае 15% всех трудоспособных имели лишь 10 трудодней за год и 9,2% имели свыше 300 трудодней, т. е. в 30 раз больше. В колхозах Зап. Сибири 8,6% имели до 10 трудодней, и 15% всех трудоспособных имели свыше 300 трудодней. По обследованиям 1934 г. (83.000 колхозов) 15,4% имели до 50 трудодней и 11,6% всех трудоспособных имели свыше 300 трудодней («СРСХ», № № 8 и 9, 1934 г. и «Правда», от 9 апр. 35 г.).

Мы видим, что и второй признак оплаты дает громадные колебания доходов. Доходы различаются в 6 и даже в 30 раз. В том же самом направлении действует и третий фактор — премии и вычеты, — , который повышает или понижает доход на 30%.

Все эти обстоятельства определяют то, что в одном и том же колхозе имеются колхозники, получающие по 3-4 центн. и получающие по 40-50 центн. в год. Например, в колхозах Инсаровской МТС (Средняя Волга) было выдано в среднем по 4 центн. на едока, но 10 человек получили от 20 до 40 центн. в год, а 9 человек получили от 40 до 60 центн. хлеба. Мы уже не обобщаем случаи, сообщенные на 2-м съезде колхозников-ударников, когда отдельные лица получили по 100 и 150 центн. хлеба в год.

Наиболее доходным надо считать в колхозах положение лиц, получающих кроме платы по трудодням еще сдельную денежную ставку: комбайнеров, трактористов, механиков, машинистов и пр.

В отдельных случаях они зарабатывают за год по 2-3 тысячи рублей. В весьма привилегированном положении находятся и члены исполкомов, райкомов, райсоветов, работники политотделов. Они в большинстве случаев получают самое большее количество трудодней и высшую категорию. Это не только «знатные люди», но и наиболее обеспеченный слой деревни. Люди именно этой категории являются в деревне потребителями патефонов, велосипедов, пианино, нарядных платьев и пр., о чем советская печать пишет, как о признаке благосостояния всей деревни. Следующая группа по степени обеспеченности — это члены колхозных правлений, заведующие фермами и бригады. Затем идут ударники всех видов и категорий и, наконец, многомиллионная колхозная масса, хотя и разделенная по категориям и трудодням, но в общем имеющая очень низкий доход.

Даже этот беглый обзор показывает, что в современной деревне несомненно происходит процесс разделения крестьян на группы, с разной и притом резко отличной доходностью. Конечно, это расслоение происходит не на базе владения большим или меньшим количеством орудий производства и пока реализуется главным образом в области потребительской.

Но в то время, как промышленный городской рабочий не имеет, и по условиям своего труда и быта не может иметь, средств производства, и его заработок в полной мере идет на нужды потребительского характера, у советского колхозника, как мелкого собственника, при росте его дохода, при появлении сбережений создаются предпосылки для настоящего социального расслоения. Кроме работы в колхозе, он, ранее полуделегально, а теперь вполне легально, развивает и растит свое усадьбное хозяйство, которое весьма существенно определяет его личный доход. И поэтому значительную часть своего дохода, полученного в колхозах, он понесет в свое усадьбное хозяйство: сегодня приобретет лишнюю корову, завтра гусей и индюшек, послезавтра свинью или ульи и т. д. Так крохами скапливает богатейший слой деревни свое будущее благосостояние. Поэтому-то расслоение, происходящее в современной деревне, в потенции носит характер социального расслоения.

Образуются ли в колхозной деревне классы, владеющие орудиями производства, примет ли расслоение законченный социальный характер, это находится в зависимости от того, какими путями пойдет весь советский строй. Но что несомненно уже сейчас: нельзя говорить о каком-то благосостоянии среднего колхозника, надо понимать, что в то время, как благосостояние узкого слоя в 1-2% уже несомненный факт, основная масса колхозников еще очень далека от благосостояния. В то время как доходы верхнего слоя колхозников резко превышают средний доход, доходы большинства колхозников значительно ниже среднего дохода.

Наша статья не претендует на исчерпание вопроса о расслоении современной деревни. Только тогда, когда будут опубликованы данные обследования значительного количества колхозов с разделением на группы по уровню получаемого ими дохода, можно будет произвести серьезный статистико-экономический анализ современной деревни. Мы лишь поставили своей задачей обратить внимание на эти важнейшие процессы, происходящие в деревне, и предостеречь от рассматривания современного сельского населения как одной сплошной почти недифференцированной массы.

А. Югов.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!**

НА ПЕРЕПУТЫ

Положение на «фронте» заработной платы не перестает быть крайне тревожным. Все отчетливее вырисовывающиеся контуры новой политики заработной платы меньше всего располагают к оптимизму.

Первые месяцы года прошли под знаком массовых попыток хозяйственников обойти закон о 10-типроцентной (в среднем) прибавке к заработной плате в связи с отменой нормированного снабжения хлебом. Печать, конечно, лишь очень неполно сообщает об этих попытках, как не знают о них часто и профсоюзы. Ведь вот обмолвился же один из участников последнего пленума ВЦСПС, что и «во время предыдущей надбавки к зарплате в связи с повышением цен на хлеб (июнь 1934 г.) на многих предприятиях имели место обсчеты рабочих», о чем «мы» узнали лишь с опозданием в несколько месяцев при проведении кампании по проверке выполнения коллективных договоров («Труд» от 1-го января). Осведомленность печати и профсоюзов о том, что творится с новой прибавкой, сейчас, повидимому, несколько лучше, чем летом прошлого года; но это усиление внимания к вопросам заработной платы еще только-только начинается — я еще коснусь его в другой раз, — и громадное большинство случаев нарушения в этой области прав и интересов рабочих и сейчас еще остается, конечно, вне поля зрения и печати и профсоюзных органов.

Но и из тех отрывочных сообщений, которые проникают в печать, чрезвычайно выпукло вырисовывается, на какое сопротивление сплошь и рядом наталкивается осуществление скромной — и далеко недостаточной — январьской прибавки к зарплате. «На Теплогорском металлургическом заводе (Сверловской области) до сих пор не получили надбавку за январь, хотя уже прошел и февраль. Не лучшее положение на Кабаковском заводе», с негодованием сообщает «Правда» (от 2-го марта). Еще более странные вещи творятся на Московском рентгеновском заводе и на Электрозаводе; здесь просто «перестали платить прибавку» («За Индустр.» от 27-го февраля). В ряде консервных комбинатов Московской области прибавки оказались лишенными сельщики («Труд» от 3-го марта). В Таганроге додумались до того, чтобы не давать прибавки работникам, которые поступили на работу после 1-го января («Труд» от 29-го марта). В тресте «Табаксырье» при исчислении январьской прибавки «отменили» прежнюю, июньскую прибавку («Труд» от 14-го февраля). До той же блестящей идеи додумались и на заводе «Светлана» («Труд» от 20-го января). Но решительнее всех оказались кавказцы: в Закавказье, по игривой оценке «Труда» чрезвычайно много «курьезов» (!!) в области заработной платы; здесь «есть ряд мест, где до сих пор не выплачена не только январьская прибавка в связи с отменой карточек на хлеб и некоторые другие продукты, но и июньская прибавка в связи с повышением цен на нормированный хлеб» («Труд» от 21-го апреля).

О «массовых обсчетах» при установлении прибавки сообщают из Москвы и из Ленинграда, из Баку и из Одессы, из Иваново и из Горького и из многих других мест. В одних местах «округляют» ставки, в других прибегают к «неправильной разбивке работников по группам снабжения» (размер конкретной надбавки зависит, как известно, от того, к какой «категории по снабжению» отнесен работник), в третьих просто «обсчитывают», не мудрствуя лукаво («Труд» от 20 и 27-го января, 6, 14 и 26-го февраля, 6 и 9-го марта).

Но все это относительно лишь мелочи по сравнению с широко развернувшейся атакой на нормы выплаты, сигналом для которой послужило по-

становление о январской прибавке к заработной плате. «Кое-где нашли время именно теперь, одновременно с повышением заработной платы в связи с отменой карточной системы, приступить к пересмотру и повышению норм, к увеличению размеров оплаты коммунальных услуг и т. п.», читаем мы в передовой «Труда» от 6-го февраля; и редакция профсоюзного органа острожно протестует против этого «искажения совершенно ясных директив партии по повышению зарплат». «Правда» как будто еще решительнее: «Злостным искажением партийной политики заработной платы является то, что увеличение сделанных расценок соответственно хлебной надбавке на некоторых предприятиях Головоуэпы фактически превратили в увеличение норм выработки и, следовательно, предусмотренное решением партии и правительства повышение заработной платы превратили в ее снижение. Такие факты имеют место на Ярославском автозаводе, на заводе «Трактородеталь» в Куйбышеве, на Запорожском узле Екатеринбургской железной дороги» (передовая «Правды» от 2-го марта). Такого рода сообщения приходят со всех концов Союза (см. «Труд» от 14-го января, 14-го февраля, 3-го марта, 21-го апреля). «Количество подобных примеров можно было бы во много раз увеличить» («Труд» от 21-го апреля).

Протесты профсоюзной и даже партийной печати против этих «извращений политики партии» не произвели, повидимому, ни на кого серьезного впечатления и очень скоро были забыты даже и их авторами. Пересмотр норм выработки объявлен в последние месяцы одной из актуальнейших задач политики труда и проводится при самой активной поддержке со стороны общей, экономической и профсоюзной печати. И разве лишь изредка раздаются голоса протеста против особенно грубых приемов пересмотра норм. Так «За Индустр.» (от 5-го апреля) протестует против распоряжения Главморпрома о «снятии (на судостроительных заводах) решительно всех имеющихся переработок норм». Или «Труд» (от 29-го марта) протестует против принятого на радиозаводе в Горьком решения об общем пересмотре норм, перерабатываемых не менее, чем на 25-30%. «Никто не поинтересовался раскрыть сущность этой переработки», с горечью замечает корреспондент «Труда»: «Если бы это было сделано, стало бы видно, что по многим из этих норм переработка достигнута при 9-10 часовой работе вместо нормального 7-часового рабочего дня». Не приходится, к сожалению, сомневаться, что Горьковский радиозавод в этом отношении отнюдь не является лишь редким исключением.

***

Немыслимо, конечно, в принципе возражать против пересмотра норм выработки. Техника и организации производства быстро меняются, создавая благоприятные условия для роста производительности труда. Изменение норм выработки в известном соответствии с прогрессом техники и организации производства, конечно, необходимо. Но пересмотр норм выработки должен производиться таким образом, чтобы рост производительности труда и при неизменных затратах человеческой энергии сопровождался повышением все еще очень низкого жизненного уровня рабочих масс, т. е. прежде всего повышением заработной платы. И тем более, чтобы всякое увеличение затрат человеческой энергии, всякое увеличение интенсивности труда сопровождалось соответственным повышением оплаты труда.

Опасность новейшей политики пересмотра норм выработки в том и заключается, что пересмотр норм все явственнее превращается в орудие давления на рабочий

класс в целях максимальной интенсификации труда при сохранении заработной платы почти на неизменном уровне. В обстановке энергичной борьбы за рентабельность, за отказ от дотаций, за удешевление производства у руководителей предприятий совершенно неизбежно чрезвычайно усиливается стремление использовать пересмотр норм выработки для максимального снижения доли заработной платы в себестоимости промышленной продукции. Это — повторяем, совершенно неизбежное — стремление хозяйственников могло бы быть парализовано лишь организованным давлением рабочих в лице их независимых, свободно выражающих коллективную волю рабочих масс профессиональных союзов. Наши профсоюзы, конечно, очень далеки от того, чтобы удовлетворять этим требованиям. Но даже и эти профсоюзы до известной степени являются органами защиты интересов рабочих и могли бы, может быть, хоть отчасти ослабить энергию натиска хозяйственников. Но именно поэтому союзы сейчас — и это новая черта советской рабочей политики — совершенно устраняются от участия в установлении норм выработки.

Новое слово было открыто провозглашено на конференции работников народного хозяйства, созданной сектором труда Наркомтяжпрома. Докладчик Фигатнер, начальник сектора труда НКТП, прямо взял быка за рога:

«Значительному увеличению производительности труда должен помочь намеченный пересмотр норм... Работа хозяйственников в этой области значительно облегчается, потому что им не придется каждую норму согласовать с профсоюзами, как это было раньше. Нормы пересматривают и отвечают за это дело целиком хозяйственники.

«Как только тов. Фигатнер коснулся вопросов организации зарплаты, продолжает цитируемый отчет, атмосфера в зале стала накаляться. Посыпались реплики, вопросы с мест. Потребовались успокоительные слова председателя. Сразу стало ясно, что дело коснулось основного ключа к раскрытию тех резервов, о которых говорил тов. Фигатнер» («За Инд.» от 18-го марта).

Было бы однако ошибкой думать, что возбуждение в зале было вызвано тревогой за интересы рабочих и желанием несколько ослабить абсолютизм хозяйственников. Как раз наоборот. Заявление Фигатнера как бы подняло шлюзы, развязало скованную стихию, и она прорвалась теперь с громадной силой. И Фигатнер в своем заключительном слове дал ясно понять, что намеченные им меры — только начало:

«В вопросах регулирования зарплаты, — заявил Фигатнер, — уже сейчас появилось много нового, хотя ряд коренных назревших проблем, носящихся в воздухе, еще не решен. Но никто не мешает хозяйственникам уже сейчас при выполнении программы с меньшим, чем намечено в плане, количеством рабочих использовать 50% экономии от фонда зарплаты на повышение заработной платы рабочих и ИТР. Тем более, что тарифный справочник, который до сих пор был обязательным, намечается только рекомендовать для хозяйственников, как справочное пособие».

Поворот в политике заработной платы намечается все более определенно. Когда-то, на заре советского режима условия труда (и заработной платы) формально устанавливались профессиональными союзами. Фактически, правда, профсоюзы уже в этот период оттеснялись все больше на задний план и замещались органами государства, авторитарно нормировавшего при посредстве своих специальных органов (Наркомтруда и др.) условия труда. Затем пришел нэп, и условия труда начали регулироваться путем соглашений (коллективных договоров) между хозорганами и профсоюзами в рамках, определяемых государственной властью. Роль государ-

ства при этом с годами все возрастала, роль союзов (но не хозорганов) все больше суживалась. Сейчас этот процесс нашел свое — признаем, несколько неожиданное — завершение: в основных вопросах политики заработной платы роль союзов уже и формально сводится к нулю; но и государство чрезвычайно суживает роль своих собственных, «нейтральных» органов в вопросах регулирования заработной платы и предоставляет чрезвычайно широкие полномочия руководителям предприятий, т. е. в этих вопросах стороне.

Ну, а союзы, как отнеслись они к этому повороту? Или, чтобы не выходить из рамок темы о пересмотре норм выработки, как отнеслись они к лишению их влияния на установление норм выработки и предоставлению в этом решающем вопросе всей полноты власти хозяйственникам?

На местах эта новая политика не сразу была «понята», но ВЦСПС решительно одернул староверов. В передовой «Труда» от 22-го апреля курс взят чрезвычайно решительный:

«Рядом профорганизаций были допущены грубейшие искажения директив правительства и ВЦСПС. Речь идет о случаях подмены (!?) хозорганов, о попытках ослабления единоначалия вмешательством в оперативную работу по пересмотру норм.

«Вот несколько характерных фактов: на шахте «Американка», Чистяковского района, опубликован приказ шахтоуправления об **обязательном утверждении новых норм расценочно-конфликтной комиссией**. Этот приказ издан **с согласия Чистяковского райкома угольщиков**. Визой шахткома скреплены нормы на шахтах «Парижская Коммуна», «Булатовка» и целом ряде других. План пересмотра норм на металлургическом заводе им. Ильича подписан директором и **завкомом**. На заводе им. Либкнехта представитель рабочей части РКК своей подписью **утверждал** или, вернее, механически штемпелевал нормы и сам объявлял их рабочим (подчеркнуто в «Труде»).

«Эти явные искажения директив правительства и ВЦСПС вытекают из непонимания многими профорганизациями своей роли, которая должна выражаться в **массово-разъяснительной работе** вокруг норм, в **полном и успешном проведении этой работы хозорганами** и организации **массового контроля** над **правильным пересмотром норм**».

Словом, решают хозяйственники, а профсоюзы ведут «массово-разъяснительную работу» на основе принятых хозяйственниками решений и «контролируют», ни на минуту не забывая о «недопустимости какого бы то ни было умаления полноты ответственности хозорганов за качество этой работы». Что же и как «контролируют» союзы в деле установления норм выработки? Сначала «Труд» развернул было широкую программу такой контрольной работы. Тут и «проверка центральными комитетами союзов правильности директив главных управлений по отраслям промышленности», и «контроль фабзавкомов над тем, чтобы в приказах руководителей предприятий не было ошибок и извращений задач пересмотра», и проверка правильности отбора норм для пересмотра, и многое другое (см. передовую «Труда» от 15-го марта). Но очень скоро ВЦСПС было дано, повидимому, понять, что такой контроль не всегда легко примирить с «полнотой ответственности хозорганов», и «Труд» быстро присмирел. А когда в начале мая президиум ВЦСПС обсуждал ход кампании по пересмотру норм в каменноугольной промышленности и в черной металлургии, рамки контроля были очерчены им уже совсем иначе: основные задачи контроля — «выявлять во всех случаях невыполнения норм причины невыполнения и добиваться **быстрейшего их устранения**», следить за «выполнением рабочих предложений и организационно-технических мероприятий хозорганов» (могуших обеспечить повышение производительности труда) и т. п. (см. «Труд» от 12-го мая).

В профсоюзной толще царит явная растерянность. В рабочих массах пробуждается чувство тревоги. На местах все чаще смутно ощущают, что взаимоотношения между профсоюзами и хозорганами, между рабочими и руководителями предприятия принимают какой-то нездоровый характер. Случается уже, что ВЦСПС и «Труд» не выдерживают роли подданных при хозяйственном руководстве, и в последнее время все чаще развертывается полемика — часто мелкая и мелочная, но иногда и принципиально значительная — между «За Индустриализацию» и «Трудом». Создавшееся годами равновесие явно нарушено. Но это уже особая тема. К ней мы еще вернемся.

С. Шварц.

Внешняя политика Коминтерна

Коминтерн быстро и решительно пересмотрел свою внешнюю политику. Десять европейских партий Коминтерна опубликовали несколько недель назад воззвание, заслуживающее более внимательного отношения, чем то, которое уделила ему сама коммунистическая печать. Коммунистические партии Европы должны определять свою политику в условиях острого европейского кризиса, когда на карту поставлены и дело европейского мира, и безопасность Советского Союза, и существование фашистской диктатуры в Германии. Политические ошибки в условиях такого политического кризиса могут стать непоправимыми. В большой игре, которая сейчас ведется в Европе, все участники играют ва-банк.

Европейские коммунисты получили новые директивы. Если обобщить тот курс, который прокламирован возванием 10 партий, то можно свести его к следующим основным положениям: германский фашизм объявлен главным врагом дела мира и европейского пролетариата и Советского Союза; защищая Советский Союз, коммунистические партии Европы должны вести активную и координированную борьбу против Треть-

ей Империи. Политические выводы идут очень далеко: для коммунистических партий стран, связанных с Советским Союзом и входящих или могуших войти в состав анти-германского блока ликвидируется без остатка пораженческая позиция. Больше того, Коминтерн пересматривает и старый тезис Карла Либкнехта: враг стоит всегда в собственной стране. Западно-европейский орган Коминтерна, базельское «Рундschau» посвящает возванию Коминтерна комментарий, в котором имеются такие строки:

«Как в каждой запутанной ситуации, так и теперь среди борющегося рабочего класса начинают распространяться сектантские установки, которые определяются настроением, а не ясным познанием существа обстановки. В ожесточенной борьбе против империализма собственного правительства, люди часто склонны рассматривать его как главного врага мира, забывают они склонны относиться с осмотрительностью к его противникам, верить уверениям о желании вести политику мира, исходящим от врагов их врагов. Итти на борьбу, ложно оценивая противника, — это приводит к путанице, и в последнем счете к катастрофе».

Это слова самокритики: они направлены против коммунистов, которые основными врагами дела мира считали Болдвина и Фландэна, а не Гитлера. Коммунистическим партиям Запада дается предостережение: они не должны в борьбе против своих демократических правительств прямо или косвенно облегчать дело врага своих врагов, т. е. не должны сознательно или бессознательно вести или допускать соглашательскую политику по отношению к внешнему врагу своих правительств. Практически они должны требовать и поддерживать политику оборонительных военных союзов против фашистской Германии.

Что сказать об этой ревизии? В ней несомненно есть зерно истины. Верно, что главный враг может стоять в чужой стране, если эта страна стала добычей активистской контр-революции, если определенная национальная контр-революция становится основным носителем и тараном международной контр-революции. Классовая борьба усложняется, она переносится и во внешнюю политику, война народов может стать классовой войной, которая будет дана в чистой форме, если германский фашизм выступит против Советского Союза.

Новый курс Коминтерна практически целесообразен, а поэтому необходим и правилен, поскольку он требует акции международного пролетариата против германского фашизма и ставит перед рабочим классом Европы вопрос об активной защите Советского Союза в новой, угрожающей обстановке. Критика, которую некоторые оппозиционные коммунистические группы направляют против этого содержания нового курса, необоснованна и вредна. Коммунистический оппозиционер Дорно вступает на опасный путь, когда требует в области внешней политики соглашения с Гитлером. Этот путь может привести прямо в лагерь невольных пособников Гитлера. Стремление при всех условиях и всегда говорить обратное тому, что говорит официальная коммунистическая политика, может ставить коммунистических оппозиционеров в нелепейшие положения.

Но этот курс правилен и целесообразен только в некоторых своих предпосылках и выводах. Он опасен в своих других частях, и он противоречив и непоследователен в целом. Тот же комментарий базельского «Рундшау» ставит вопрос, говорящий о величайшей неуверенности авторов новой линии: «Не будут ли в этой борьбе за мир смешаны фронты, не станем ли мы в один ряд с нашими классовыми врагами?» Такие вопросы не ставят, когда стоят на твердой почве, обладают законченной стратегической концепцией и говорят своим сторонникам всю правду. Руководство Коминтерна связано сейчас вдвойне: дипломатическими соображениями Литвинова, его «деликатной» дипломатической позицией с одной стороны, традицией Коминтерна, с другой. Советская дипломатия должна в интересах сохранения мира и успешной политики союзов образовывать общий фронт с консервативными, в условном внешне-политическом смысле этого слова, заинтересованными в сохранении европейского порядка 1919 года, государствами. Она говорит языком Лиги Наций и не может даже сказать, что она заинтересована в изоляции Третьей Империи. Никто не требует от нее, чтобы она говорила все. Но Литвинов должен оглядываться на Лавала и даже на Саймона, а Коминтерн должен оглядываться на Литвинова. А кто же скажет коммунистическим рабочим Средней и Западной Европы всю правду?

Воззвание десяти компартий может позволить себе только частичные истины. Оно высказывается за новый курс внешней политики Коминтерна, но оно замалчивает его последствия. Не подлежит сомнению, что борьба против опасности интервенционистской войны, которая грозит сейчас Советскому Союзу, должна вестись ины-

ми методами чем 15 лет назад. В решающих странах Западной Европы борьба ведется не против собственного правительства. Наоборот: следует заставить эти правительства, чтоб они воспрепятствовали, сделали невозможной интервенционистскую и анти-советскую политику другого правительства, правительства фашистской Германии. Средством этой политики являются пакты взаимной поддержки, т. е. оборонительные военные союзы. Мы были недавно свидетелями того, как французская компартия, как Марсель Кашен и Габриэль Пери на страницах «Юманитэ» настойчиво призывали Лавала вести твердую, бескомпромиссную политику, не откликаться на зовы берлинских сирен и заключить с Советским Союзом подлинный оборонительный военный союз, а не какой-нибудь пакт ограниченного значения. Французские коммунисты правы, выставляя эти требования. Но они не правы, когда они замалчивают для масс смысл этой политики и не делают из нее нужных выводов. Пакты взаимной поддержки, в том числе и в первую очередь и советско-французский пакт, являются инструментами активной политики мира, но они являются также и орудием войны. Партия, которая по собственной инициативе требует таких пактов, таких союзов, принимает также и обязательство их выполнить, принимает обязательство ведения войны. Не делают восстаний против войны, которую заранее признают и приемлют, как справедливую санкцию против нападающего фашизма. Но коммунистические партии не говорят этого своим массам, своим избирателям и даже своим кадрам. Они рискуют оставить их неподготовленными и дезориентированными накануне гигантских потрясений и ответственных решений.

Коммунистические партии Западной и Средней Европы оправдывают сотрудничество Советского Союза с капиталистическими державами в целях обороны. Они получают за это от большевистского руководства, от Советского Союза и от Коминтерна индульгенцию за участие в войне, которую их страны вели бы против фашистской Германии и в союзе с Советской Россией. Они получают не только отпущение за эту политику, но и прямое поручение вести такую политику, на них не возлагается обязательства ответить на войну революцией или хотя бы даже стремиться к революции в начале войны.

Эту политику нельзя сравнивать с социал-патриотизмом эпохи мировой войны. Политика Литвинова и Ворошилова в большей степени отвечает историческим интересам европейского и германского пролетариата, чем внешняя политика Гендерсона и Стаунинга. Но и эта политика связана с серьезнейшими опасностями. Активистская внешняя политика может превратиться в революционную внешнюю политику. Но для этого нужно, чтобы собственные массы знали всю правду: что пакты взаимной поддержки, что оборонительные военные союзы с участием Советской России являются также и орудием войны, и что в них содержится огромный военно-революционный потенциал. Но именно здесь находится основная задача политической подготовки масс в предвоенную эпоху. Коминтерн требует от пролетарских масс, от коммунистических масс Запада готовности защищать в войне Советский Союз. Но он не говорит, что защита не должна принять формы нового «священного единения», он отрывает задачу защиты Советского Союза от собственных, внутренних задач европейского рабочего класса. Он замалчивает, что политически успешная и победоносная защита Советского Союза будет возможна только в том случае, если политическое руководство войны перейдет в руки пролетарского социализма. Коминтерн готовит пролетариат к возможности активной военной политики, но он отказывается от постановки за-

дач военно-революционной политики. Не Коминтерн, а марксистский революционный социализм должен будет сказать рабочим классам Запада: если нужно будет защищать в войне Советский Союз, то история возложит на вас еще и другие обязательства, обязательства бороться и за собственное дело, за завоевание власти в собственной стране, за социалистическую Европу.

Хорошо, что Коминтерн меняет свою внешнюю политику. Но недостаточно, чтобы внешняя политика Наркоминдела механически заменила собой внешнюю политику Коминтерна. Пока коммунистическим массам не будут показаны необходимость и цель революционной военной политики, как одной из возможностей дальнейшего развития европейского кризиса, они будут бродить в потемках. Сейчас Сталин грубым рывком поворачивает политику Коминтерна на 180 градусов, самочинно запрещает французским коммунистам ведение анти-милитаристской пропаганды и солидаризуется с

военной политикой Франции. Анти-милитаристская пропаганда французских коммунистов была нелепа по форме и бессмысленна по существу. Но она ликвидируется не в результате другого, лучшего понимания задач пролетарской внешней политики со стороны самой французской коммунистической партии, она обрывается сверху Сталиным по требованию Лавалля и французского генерального штаба. Старые грехи сказываются: Коминтерн воспитал партии, неспособные к самостоятельной оценке политических ситуаций, теперь они сбиты с толку и бормочут нечленораздельные слова.

Не достаточно заменить внешнюю политику Коминтерна внешней политикой Наркоминдела — нужна самостоятельная внешняя политика пролетариата и на случай мира, и на случай войны. Недостаточно отправить Коминтерн в бессрочный отпуск — нужна последовательная политика пролетарского единства.

А. Шифрин.

ЗА ЕДИНСТВО ПРОФДВИЖЕНИЯ

Вопрос о восстановлении международного единства профессионального движения вновь поставлен в порядке дня. В небывалой еще форме. Исполбюро Профинтерна обратилось непосредственно к Правлению Международной Федерации Профсоюзов с предложением о создании единого фронта для ряда конкретных кампаний и о созыве совместного совещания для обсуждения «форм, методов и условий восстановления единства в международном масштабе».

Это обращение могло бы явиться поворотным пунктом в развитии международного профдвижения, если-бы — да, если-бы оно было выражением действительного и принципиального поворота в политике Профинтерна, выражением пробудившейся у руководителей Профинтерна действительной воли к восстановлению международного единства профессионального движения, к ликвидации 15-летней практики раскола. Если-бы это было так, как легко вопрос о восстановлении международного единства профдвижения мог бы получить свое разрешение! Не на путях «капитуляции», которую постоянно пугают своих сторонников руководители Профинтерна (и что за жаргон? точно речь идет о чем-то уязвленном самолюбии, а не о жизненных интересах рабочего класса!), и тем более, конечно, не на путях отказа от классовой борьбы, а на путях подлинного упрочения и развития широких, самоуправляющихся, классовых рабочих организаций.

Но достаточно только поставить этот вопрос, чтобы сразу стало ясно, что ни о каком серьезном повороте в руководящих кругах Профинтерна пока и говорить не приходится и что письмо Профинтерна это лишь один из обычных маневров, которые когда-то так удачно характеризовал Томский (на 14-ом съезде ВКП) в полемике с Лозовским, как «попытку под видом единства, говоря о единстве, вести линию на раскол и воображать, что никто этого не заметит».

Идея «единого фронта» так долго и упорно эксплуатировалась сторонниками Профинтерна для прикрытия политики раскола и для борьбы против действительного («органического») профсоюзного единства, что в широких кругах европейского профдвижения уже самое упоминание о едином фронте вызывает настороженность. Тем более, что по мере упадка Профинтерна в Европе и роста среди рабочих, находящихся под коммунистическим влиянием, настроений в пользу действительного единства, руководители Профинтерна неоднократно пытались противопоставить идею

единства профдвижения идею единого фронта, чтобы таким образом помешать действительному объединению рабочего класса. Не единый фронт, а единство профдвижения, — таков поэтому лозунг, вот уже несколько лет с неослабной энергией отстаиваемый профсоюзами во всех решающих странах Европы, и такова же в вопросах политики единства и «генеральная линия» МФПС.

Правление МФПС решительно отклонило поэтому предложение Профинтерна о создании единого фронта и подчеркнуло и на этот раз, что целью своей политики оно ставит осуществление единства профдвижения. По вопросу о путях к восстановлению единства правление МФПС в своем ответе подчеркнуло, что первым шагом к восстановлению единства должно бы было быть обратное вступление всех отколовшихся (и параллельных) организаций в «регулярные» национальные объединения, примыкающие к МФПС. Еще совсем недавно, в публичной переписке между Профинтерном и Норвежской Федерацией Профсоюзов вопрос точно так же был поставлен норвежцами. При готовности со стороны Профинтерна к положительному решению этого вопроса путь к единству был бы расчищен и для осуществления единства в основном не хватало бы в сущности уже немногого — вступления русских профсоюзов в МФПС. Норвежцы, на которых выпала как бы роль посредников между МФПС и Профинтерном, перед тем как взять на себя инициативу по созыву совместного совещания обоих Интернационалов предложили Профинтерну «внести ясность в эти вопросы». МФПС в своем письме ограничивается вопросом об отношении Профинтерна к мысли о возвращении отколовшихся (и параллельных) союзов в отдельные страны. Лишь на этой основе дальнейшие переговоры представляются МФПС целесообразными. Этот вопрос — таков смысл письма МФПС — должен быть поэтому, хотя бы в принципе, выяснен до созыва совместной конференции. Пока нет ясности в этом вопросе, конференция представляется МФПС бесцельной.

По существу эта позиция МФПС бесспорна. Возвращение диссидентов в лоно «регулярных» профобъединений — насущная задача движения к единству, задача тем более легко осуществимая, что во всех решающих европейских странах диссиденты составляют совершенно ничтожное меньшинство и лишь во Франции они имеют некоторый вес; но и здесь они (ВУКТ) объединяют никак не больше 1/4 того числа рабочих и служащих, какое объединено в «регулярной»

ВКТ. Задача возвращения диссидентов и преодоления раскола в национальных рамках была бы, вероятно, давно решена, если бы не упорное сопротивление со стороны руководителей Профинтерна. Преодолеть это сопротивление Профинтерна было бы чрезвычайно важно. И все же я с сожалением прочитал, что МФПС отклонила предложение Профинтерна о созыве совместной конференции впредь до выяснения этого предварительного вопроса, облегчив таким образом руководителям Профинтерна возможность выступать в так не приставшей им роли поборников единства, и упустила случай взять на себя руководство борьбой за единство. Ведь борьба за единство не может ограничиться разоблачением враждебных единству маневров Профинтерна и в остальном пассивным ожиданием победы «внутренней логики движения». Недаром уже и на последнем пленуме Национального Совета ВКТ (во Франции) раздавались голоса, требующие отказа от веры в автоматизм развития и призывавшие ВКТ взять в свои руки инициативу в борьбе за единство.

В своих бесчисленных воззваниях, статьях, речах руководители Профинтерна твердят сейчас на все лады, что они вот уже 15 лет выступают в качестве решительных борцов за единство. К чему этот запоздалый маскарад? Пятнадцать лет назад при зарождении Профинтерна творцы его сознательно и открыто шли на раскол. Когда в 1919 году была восстановлена разрушенная войной Международная Федерация Профсоюзов, русские профсоюзы, составившие вскоре основное ядро Профинтерна, остались вне международного объединения. Все попытки «Амстердамцев» привлечь русские профсоюзы в состав МФПС остались тщетными. На образование Амстердамского Интернационала коммунистические вожди русского профдвижения ответили созданием летом 1920 года так наз. Межсовпрофа, превратившегося в следующем году в Профинтерн. Основной задачей коммунистической международной профессиональной политики, как это подчеркнул 1-ый съезд Профинтерна, стала борьба не на жизнь, а на смерть против МФПС, «ожесточенная борьба внутри мирового профдвижения под лозунгом: Москва или Амстердам», и не менее ожесточенная борьба — против Международного Бюро Труда, деятельность которого представлялась тогда руководителям Профинтерна высшим выражением политики «сотрудничества классов». И с этой своей точки зрения творцы Профинтерна были тогда правы, проповедуя раскол профдвижения. Коммунистическая концепция была построена тогда полностью на идее непосредственного осуществления мировой социальной революции путем превозглашения диктатуры «революционного меньшинства». Концепция эта нашла свое выпуклое выражение в резолюциях 1-го съезда Профинтерна, на которых к тому же лежал явный анархо-синдикалистский отпечаток: «основной тактики профсоюзов является прямое действие революционных масс и их организаций против капитала»; «одной из серьезных форм борьбы может быть занятие рабочими фабрик и заводов и продолжение производства вопреки воли предпринимателя»; «вся (!) экономическая борьба рабочего класса в ближайший период должна складываться вокруг лозунга контроля над производством», причем «контроль над производством надо проводить в явочном порядке»; только тогда он даст определенные результаты; революционные союзы должны выступать со всей решительностью против того социализаторского шантажа и жульничества, которым занимаются руководители старых союзов»; «вера, распространяемая оппортунистами всех стран, в абсолютную (?) ценность коллективных

договоров должна встретить резкий и решительный отпор»; «частичные требования» не отвергаются, правда, полностью, но согласно решению 2-го съезда Профинтерна, они являются «только средством сплочения и организации масс для дальнейшей борьбы» и т. д.

С такой идеологией борьба на уничтожение против Амстердамского Интернационала представлялась естественной. Но от всей этой стройной концепции давно уже почти ничего не осталось. Еще 9 лет назад это было отмечено на страницах «С. В.».

«Стоит сопоставить эту (вкратце охарактеризованную выше) программу с «программой действий», только что одобренной Коминтерном и Профинтерном: «борьба против прямого и косвенного удлинения рабочего дня», «против понижения жизненного уровня и за повышение реальной заработной платы», «за государственное страхование безработных в размере прожиточного минимума» и т. д. вплоть до «борьбы за боевой братский союз рабочих коммунистов, социалдемократов и беспартийных против капитала»; словом, в общем и целом очень хорошая «реформистская» программа. При этом энергично подчеркивается, что «прошло время стихийных выступлений рабочих против буржуазии; теперь борьба должна вестись на основании точных и проверенных данных, как о состоянии наших сил, так и о состоянии сил противника» (Нин); «спора покончить со старым анархо-синдикалистским предрассудком, утверждающим, что взаимопомощь и революционность друг друга исключают; взаимопомощь очень важная вспомогательная часть нашей работы» (Лозовский).

От тактики «прямого действия», «захвата фабрик и заводов» и осуществляемого «явочным порядком» «контроля над производством» к пропаганде взаимопомощи; от «социальной революции» к «государственному страхованию безработных в размере прожиточного минимума» (даже не в размере утраченного заработка); от суверенного презрения к «реформистскому» практицизму к пропаганде: учитесь ратать как «реформисты» — такова вынужденная эволюция коммунистической «программы действий» в профессиональном движении» («Соц. Вестн.», 1926 г., № 7/8).

Идеологическое отступление руководителей коммунистических профсоюзов происходило так беспорядочно, что они в своей новой, «реформистской» вере кое в чем хватили даже через край. Но не об этом сейчас речь. Важно отметить, что от первоначальной концепции, на почве которой были заложены основы раскола международного рабочего движения, остались лишь жалкие обрывки. Но тем решительнее настаивало на углублении раскола всемогущее руководство ВКП (и Коминтерна), для которого раскол профдвижения превратился в один из существеннейших элементов его европейской политики. И с тем большей цепкостью продолжала держаться за раскол бюрократия Профинтерна: для нее раскол профдвижения стал воздухом, без которого она не может жить. Чем менее для него оказывалось оснований, чем нагляднее становилась необходимость его преодоления, тем изощреннее становилась изобретательность вождей Профинтерна в интересах увековечения раскола.

Надо отдать им должное: в борьбе за сохранение и углубление раскола они проявили исключительную виртуозность. Пусть исчезли идеологические основы раскола, но с тем большей энергией профинтерновская бюрократия приспособила для нужд раскола — идеологию единства, и она выработала для этой цели целую систему «политики единого фронта». И нечего обманываться: делу единства профессионального движения это замаскированное раскольничество принесло, повидимому, даже еще больше вреда, чем открытое раскольничество первых лет Профинтерна; уже тем одним, что оно посеяло некоторое недоверие в широких массах ко всякой пропаганде единства профдвижения.

Сейчас и эта политика скрытого раскольничества себя исчерпала. Вопрос о восстановлении единства профдвижения вновь начинает живо интересовать массы.

Руководители коммунистического профдвижения вынуждены отказаться от последних остатков идеологического багажа, служившего оправданием раскола. Где уж тут говорить о непримиримой борьбе с Амстердамским Интернационалом? Профинтерн прямо обращается к МФПС с предложением обсудить вопрос об объединении. Где уж тут метать громы в Международное Бюро Труда? Ведь на состоявшейся в первой половине апреля очередной сессии Административного Совета Международного Бюро Труда присутствовал — и не в качестве «наблюдателя», а в качестве официального представителя Советского Союза — Б. Маркус, «товарищ Борис Маркус», как с понынным удовлетворением приветствовал его (без всякой иронии) французский профсоюзный «Пепль». Правда, от русских рабочих это заслуживающее внимания событие скрыто и в советских газетах об этом пока ни звука. Но долго об этом молчать не придется.

В начале июня открывается в Женеве официальная Международная конференция труда. Здесь Советский Союз будет, вероятно, представлен уже не одним Маркусом (в качестве представителя правительства СССР), но и делегатами профсоюзов. Советские союзы уж слишком скомпрометировали бы себя, если бы уклонились от участия в конференции. В Женеве делегаты советских профсоюзов встретятся с представителями профдвижения почти всего мира, в частности, с наиболее авторитетными руководителями профдвижения большинства европейских стран. Вопрос о восстановлении международного единства профдвижения и в частности о взаимоотношениях между русскими и европейскими союзами будет здесь поставлен во всей широте (конечно, не на официальных заседаниях конференции). И представители русских профсоюзов окажутся пред альтернативой: за единство профессионального движения, международное и национальное, на основе свободы и независимости движения, широкой самостоятельности рабочих масс, действительной «внутрисоюзной демократии, т. е. свободы мнений и права отстаивания своих взглядов в недрах единой профорганизации», на основе действительного признания в качестве одной из основных задач профдвижения «борьбы за свободу рабочих организаций, за свободу слова, собраний и рабочей печати» (поставленные в ковычки слова заимствованы из обращения Профинтерна к Норвежской ФПС!), — или за продолжение политики маневров под фальшивым флагом борьбы за единый фронт. На этот вопрос нужно будет дать прямой и ясный ответ.

С. Ш.

ЗАГРАНИЦЕЙ

«НАРОДНЫЙ ФРОНТ» ПРОТИВ «НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА».

Муниципальные выборы, происходившие 5 и 12 мая во всей Франции, охватили свыше 38.000 общин с 11 миллионами избирателей (общинной в административном смысле является и Париж с его многомиллионным населением, и заброшенная в горах деревушка с несколькими дворами). Хотя приходские интересы, борьба местных группок и соперничество влиятельных в своей округе лиц придает муниципальным выборам своеобразный «местный отпечаток», они тем не менее выявляют и политическое настроение страны. В самом деле, вопреки лицемерным уверениям противников «политики» в органах местного самоуправления, вопросы муниципальные (городское хозяйство, социальные мероприятия, наем, образование и проч.) тесным образом связаны с общеполитическими проблемами. Сверх того, делегаты общинных советов играют решающую роль в избирательной коллегии, выбирающей сенаторов, и, таким образом, муниципальные выборы определяют политический состав сената (ближайшее обновление очередной трети сената произойдет очень скоро: в октябре нынешнего года).

Политический характер муниципальных выборов был на сей

раз особенно ярко подчеркнут. Три года тому назад французский народ послал в палату депутатов левое большинство. Радикальной партии были вручены бразды правления. Но она оказалась не в состоянии осуществить свою избирательную платформу. Столкнувшись с сопротивлением господствующих классов, радикалы без боя сдали свои позиции и, в лице своих вождей (Эррио), пошли на соглашение с противниками справа. Кабинет Фландена представляет попытку сговора между головкой радикальной партии, партии средних слоев и мелкой буржуазии города и деревни, и теми капиталистическими кругами, которые еще не решаются идти ва-банк и, в борьбе против пролетариата, поставить на карту фашизма все существование режима (эти умеренные группы представлены «Альянс Демократик», председателем которого является сам нынешний глава правительства).

Каковы же однако подлинные настроения широких масс французского народа? Произошел ли за три года сдвиг и в какую сторону? Как относятся избиратели к правительственной комбинации, заключенной за их спиной и являющейся явным нарушением народного «суверенитета», как он нашел свое отражение на выборах 1932 года?

На эти вопросы страной дан недвусмысленный, категорический ответ, выразившийся в разгроме всех без исключения реакционных и консервативных партий и их фашистских прихвостней. Перебаллотировки, имевшие место 12 мая, лишь подтвердили и подкрепили вотум первого тура. Если после 5 мая буржуазная печать все-же пыталась скрыть и извратить политический смысл народного приговора, то теперь и она вынуждена признать победу крайне-левых партий.

Движущей силой этого широкого «народного фронта», который вел избирательную кампанию под лозунгом борьбы против фашизма, является рабочий класс, организованный и руководимый социалистической партией. В послевоенное десятилетие, на муниципальных выборах 25 и 29 годов, социалисты овладели городским самоуправлением наиболее значительных городов Франции. Ныне наша партия сохранила, за самыми незначительными исключениями, все свои муниципальные позиции и, сверх того, завоевала мерию Марселя (второй по численности населения город Франции), Дижона, Нанта, Кольмара и проч. Департаментские города (по большей части возглавляются мерами-социалистами. Но помимо крупных городов и промышленных центров, влияние социализма усилилось также и в самых захолустных городишках и в чисто-сельских общинах. Таким образом, ведя против капиталистической твердыни лобовую атаку по линии городов, французский социализм одновременно тихой сапой подбирается к ней и через деревню.

Рука об руку с социалистами выступала на этих выборах коммунистическая партия. Она отказалась от практиковавшейся ею прежде братоубийственной и самоубийственной тактики сохранения своих безнадежных кандидатов во втором туре. Посреду социалисты и коммунисты дружно и дисциплинированно оказывали друг другу на перебаллотировках взаимную поддержку, и это способствовало многочисленным успехам обеих пролетарских партий. Такая же тактика применялась и партией пролетарского единства, коммунистами-диссидентами, которые скоро, верно, вновь примкнут к социалистической партии. Напротив, выброшенные из ее рядов полтора года тому назад нео-социалисты оказались по ту сторону баррикады: они заключали постыдные блоки с самыми оголтелыми представителями реакции и фашизма. Благодаря поддержке социалистов, коммунисты провели своих кандидатов в нескольких промышленных департаментах. Но наиболее благоприятные для компартии результаты дали окружающие Париж рабочие предместья и поселки. Недаром реакционная печать с ненавистью говорит о коммунистическо-социалистическом «красном поясе», охватывающем со всех сторон столицу Франции.

Радикальная партия, представленная в министерстве национального единения, пыталась свой правительственный брак с правыми группами распространить на выборы. В отдельных местах ее правящей верхушке, действительно, удалось осуществить подобный «антисоциалистический блок». Но реакционные партии давно уже скомпрометированы в стране. Равнение направо было совсем не по душе мелкобуржуазному избирателю и города, и деревни. Это сказалось особенно резко во втором туре. Рядовой радикал оказался более склонен поддерживать пролетарского кандидата, нежели «национального республиканца». Социалисты и коммунисты (и это огромное новшество для компартии!), в свою очередь всюду, где грозила реакционная опасность, поддерживали антифашистские буржуазно-демократические кандидатуры противников «перемирья» с правыми партиями.

Победа пролетарских партий на муниципальных выборах доказала политическую зрелость французских трудовых масс, незараженность их «скверной болезнью» века — фашизмом, приверженность их к демократии, завоеванной в революционной борьбе трех поколений. Но эта победа неизбежно будет

способствовать «фашизации» буржуазии. В самом деле, «метод Фландена», попытка привлечения колеблющейся мелкой буржуазии на сторону капиталистов в рамках буржуазной демократии и парламентаризма, не дал желательных результатов. И уже со столбцов газет реакционного толка раздаются упреки и угрозы по адресу председателя совета министров, не сумевшего укротить «красного зверя». Капиталистические круги поставят вскоре ставку не на либерально-консервативного Фландена, но на какого-либо кандидата в «вожди», вроде Тардые, лишь недавно заявившего о своих симпатиях к «действенному меньшинству» и известного своими связями с вооруженными бандами, которых давно уже взращивает предусмотрительная буржуазия. Однако единство действий, осуществленное, по инициативе французского социализма, между пролетарскими партиями в ответ на попытку фашистского переворота 6 февраля 1934 г., значительно окрепло в совместной борьбе на последних выборах. Оно привело к сплочению вокруг рабочего класса мелкой буржуазии, к созданию широкого «народного фронта», который победил «национальный фронт», это немощное дитя старческого капитализма. Таким образом, пережившей свой век реакционной буржуазии противостоит страна, все более проникающаяся пафосом переустройства общественной жизни на началах трудовой демократии. Муниципальные выборы дали новое подкрепление надежде, что Франция не пойдет по итало-германскому пути.

Борис Скоморовский.

ГОДОВЩИНА ФАШИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ЛАТВИИ.

15 мая латвийские диктаторы фейерверками и патриотическими манифестациями праздновали годовщину своего насилия над латвийским народом. По этому случаю латвийские товарищи прислали нам печатаемое ниже письмо, написанное еще до «юбилея» и поводящее итоги фашистскому хозяйничанью в Латвии:

Год тому назад, в ночь на 16 мая, вооруженные банды крупной буржуазии, так наз. айзсарги, и послушные фашистам части армии заняли главные государственные учреждения — почту, телеграф, министерства, сейм, разгромили Рижский Народный Дом и другие помещения рабочих организаций. Все рабочие вожди и защитники демократии были арестованы, брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Этим актом насилия и произвола буржуазия выбрасывала в мусорный ящик все ею-же созданные понятия о праве и законности. Напрасно правительство диктатуры старалось оправдать свое преступление ссылкой на якобы готовившееся вооруженное восстание коммунистов и социалдемократов, доказательством чему служило найденное у некоторых социалдемократов оружие. Военно-судебный процесс Калнинных и др. в Риге и показания быв. министра иностранных дел, т. Целенса, раскрыли перед всем миром лживость этой ссылки. И хотя в результате процесса, без всякой вины и без всяких юридических оснований, был заточен на 3 года в тюрьму один из популярнейших вождей латвийской социалдемократии, т. Бруно Калнин, каинова печать была неизгладимо выжжена на лбу переворотчиков.

Теперь Ульманис и его сообщники уже целый год управляют государством и собираются отметить годовщину своего разбойничьего налета на латвийскую демократию и свободу пышными празднествами. «Поравненная» печать уже с месяц ведет подготовительную кампанию к «юбилею», перечисляя в длиннейших статьях все, что правительство сделало в этот год для государства и народного блага. Как-же обстоит дело в действительности?

Правительство фашистов обещало, что будет заботиться одинаково обо всех гражданах и не допустит ухудшения положения рабочих. Все это давно уже оказалось ложью и обманом. Народные средства тратятся на субсидии состоятельным землевладельцам, расточаются на вооружение и содержание армии шпионов, политической полиции и айзсаргов. В истекшем году 20,7% государственных доходов были затрачены на вооружение армии и айзсаргов, расходы на содержание тюрем и судебных учреждений увеличены на 10,2%. Одновременно средства, ассигнуемые на социальное обеспечение, сокращены на 2.100.000 латов, и вся эта сумма пошла на повышение государственных субсидий землевладельцам.

Еще яснее характеризует хозяйственную политику фашистской диктатуры бюджет на 1935-36 год, целиком спроектированный правительством Ульманиса. Этот бюджет сбалансирован в 150,9 милл. лат, т. е. превышает прошлый годный на 8 милл. лат. Налоги с 66 милл. повышены до 84,5 милл. Повышены также доходы от государственных монополий (сахар и спиртные напитки). А расходная смета? В нее входят: 54,6 милл. лат на административные и государственные расходы, 32 милл. на вооружение и содержание армии, 35 милл. на государственные приплаты по сельско-хозяйственным продуктам. Таким образом, из 150,9 милл. дохода не менее 110-120

Новые книги на складе «Социалистического Вестника»

ARTHUR ROSENBER : «Geschichte der Deutschen Republik». 264 Seit. Preis in Leinen Frs 38.50; Kart. Frs 32.—

LEOPOLD FRANZ : «Die Gewerkschaften in der Demokratie und in der Diktatur». 72 Seiten. Brosch. Preis Frs 9.—

VERSE DER EMIGRATION. Gesammelt von *Heinz Wielek*. 120 Seiten. Brosch. Preis Frs 12.48.

DEUTSCHE FLUESTERWITZ : «Das Dritte Reich unterm Brennglas». Gesammelt und eingeleitet von *Joerg Willenbacher*. 88 Seiten. Brosch. Preis Frs 10.50.

милл. должны уйти на содержание фашистского государственного аппарата, вооружение и субсидии более состоятельным классам. На социальные нужды ассигнуется лишь 5,06 милл. лат, да и то большая часть этих средств — 3,6 милл. — предназначена на пенсии айзсаргам, полицейским и проч.

А как-же обстоит дело с доходами трудящихся? Заработная плата рабочих и жалованья служащих испытали за год фашистской диктатуры сильное понижение: в государственных учреждениях на 10-15%, коммунальных — на 30-35%, в частных предприятиях понижение доходит в некоторых отраслях даже до 40%. Сильно ухудшились и условия труда рабочих, что выражается в огромном росте числа несчастных случаев. По официальным данным государственного статистического управления число несчастных случаев возросло в истекшем году на 6.326, поднявшись до 36.677. Это — прямой результат переутомления на работе, несоблюдения постановлений об охране труда и т. п.

Особенно ухудшилось положение сельско-хозяйственных рабочих и батраков. В одном из нелегальных листов Рабоче-Крестьянской Партии справедливо указывается, что при диктатуре «серых баронов» сельские рабочие уже приближаются к положению крепостных. Но новые ставки, выработанные правительством, понижают и без того уже чудовищно низкую заработную плату сельских рабочих на 38-40%. Предвидя, что при таких условиях начнется повальное бегство рабочих из деревень в города, правительство заранее «рекомендовало» промышленникам не принимать на свои предприятия рабочих, прибывающих из провинции, и промышленники решили «пойти навстречу» этому желанию правительства. А одновременно издаются распоряжения, сводящиеся к насильственному выталкиванию безработных из городов в деревни, в полное распоряжение «серых баронов».

К экономическому гнету и социальному бесправию трудящихся присоединяется самая черная реакция в культурно-просветительной политике. Если сам министр «просвещения», проф. Адамович в официальной речи заявляет, что культурная политика демократии привела к «перепроизводству мысли», то можно себе представить, какова была и будет «культурная» политика фашистов! В своей речи этот, с позволения сказать, профессор сказал дословно следующее: «Общее число народных училищ в 1933-34 учебном году было 2.057, в нынешнем году их осталось лишь 1.981, так что число народных училищ сократилось на 76. Сократилось и число учащихся: их стало в нынешнем году на 3.818 меньше. Дополнительных училищ было в прошлом году около 3.500, теперь — около 3.000: снижение на 500. В начале учебного года ликвидировано 40 не-латвийских профессиональных школ, закрыты и две латвийских гимназии». К числу своих дальнейших «достижений» господин профессор причисляет новый школьный закон, лишивший немущих возможности продолжать образование в средних и высших учебных заведениях, отсрочивший на один год поступление в университеты оканчивающих гимназии, сокративший в школах преподавание физики, химии и общественных наук и заменивший эти предметы законом божьим и воинскими упражнениями. Таков фашистский «просветитель»!

Понятно, что такая политика правительства не может не вызывать недовольства и протестов не только в рабочем классе, но и в известных буржуазных кругах, особенно среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Как правительство управляется с этой оппозицией, показывает также статистика. В прошлом году в административном порядке был на 30.433 человек наложен денежный штраф в размере 1.433.759 лат.

За последние 3 месяца военный суд приговорил 3 рабочих к смертной казни за призыв к свержению фашистского строя. 54 рабочих приговорены военным судом в общей сложности к 65 годам каторги, 67 годам исправительного дома и 7 годам 10 месяцам тюрьмы. Это — только за 3 месяца! Тюрьмы переполнены социалистическими и коммунистическими рабочими, и газеты ежедневно сообщают о новых арестах. В истекшем году чинами политической полиции была убита во время демонстрации работница Катарина Бремпель и тяжело ранен рабочий Грибов. В нынешнем году на улице, при попытке к бегству», тяжело ранен член нелегального социалистического союза молодежи Маргин Розенталь. В январе с. г. в Рижской Центральной тюрьме умер от побоев политический заключенный Петерсон. В казематах политической полиции подверглись тяжелым истязаниям рабочие Базатайс и Сейбовис. И т. д.

Вот кровавый баланс фашистского террора в маленькой Латвии. Только пулями, военным судом, виселицами и каторгой для рабочих могут фашисты держаться у власти. Годовщину своей кровавой диктатуры над народом они и будут праздновать 15 мая. Трудящимся массам делать на этом празднике нечего...

Рига, май 1935 г.

СЪЕЗД ГОЛЛАНДСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

На Пасхе состоялся 40-й съезд Социалдемократической Партии Голландии — партии, которая в данное время является, как известно, одной из наиболее последовательно «реформистских» партий Социалистического Интернационала.

Во вступительной речи председатель партии, т. **Форринк** (состоявший одновременно, как известно, и председателем Интернационала Социалистической Молодежи), охарактеризовав общее международное положение с точки зрения порождаемой кризисом фашистской и военной опасности, отметил, что и в Голландии буржуазные партии поддаются влияниям фашизма германского образца, что и привело уже к известным ограничениям политической свободы. Но вину за эти ограничения т. Ф. возлагает на «бессмысленный радикализм справа и слева», на «духовную незрелость правых и левых экстремистов к высшему, демократическому строю», доказываемую их «преклонением перед насильственными методами диктатуры». В стремлении ограничить свободу социалдемократической пропаганды т. Ф. видит «попытку дисквалифицировать нас и поставить вне общенационального целого», вызывающую в социалдемократии чувство «оскорбления и горечи». Тов. Ф. полагает, что «от организационной дееспособности партийного аппарата будет в значительной мере зависеть, поймут-ли круги, стоящие в стороне от голландской социалдемократии, что страна живет сейчас в социально-опасном периоде, но что спасение все-же возможно». С этой точки зрения некоторые опасения вызывает тот факт, что число членов уменьшилось в 1934 году на 3.000. Однако, в первой четверти 1935 года эту убыль удалось в значительной мере пополнить, причем было основано 24 новых местных группы. Указав на участие социалдемократии в правительствах скандинавских стран, Чехословакии и Бельгии, т. Ф. закончил свою речь выражением уверенности, что «перспективы партии отнюдь не неблагоприятны, так как социалдемократия коренится в лучших традициях голландского народа». В развернувшихся по докладу прениях т. **Альбарда**, председатель парламентской фракции, отвечая критикам, указал, между прочим, что, если борьба партии за различные социально-политические требования не дала достаточно благоприятных результатов, то потому, что борьба эта «наталкивалась на сопротивление правительства и равнодушие правительственных партий».

После прений о партийной прессе (приобретшей, кстати, за год 36.000 новых подписчиков), съезд перешел к обсуждению доклада комиссии по вопросу о так наз. «новых органах». Докладчик комиссии, **Фан-дер Гэз ван Нотерс**, охарактеризовал предложения комиссии, как попытку воплотить в жизнь «кусочек социалистического государственного права», имеющий целью созданием «новых органов» возместить неизбежную в современных условиях «дезорганизацию парламентской системы» и сделать государство дееспособным. «Существующие законодательные и исполнительные органы должны быть разгружены, и новые задачи в хозяйственной, социальной и культурной областях переданы новым органам». В хозяйств. области то должны быть «целевые корпорации», составляемые на паритетных началах из представителей предпринимателей, рабочих и всей нации в целом (что должно гарантировать, преобладание общих интересов над частными) и возглавляемые Центральным Экономическим Советом, причем верховное руководство остается за правительством и парламентом. Руководящей мыслью всей этой перестройки должна быть «идея сильного государства». Меньшинство комиссии (**Вибаут** и **Бонгер**) было против чрезмерного ус-

ления «новых органов» за счет парламента и органов местного самоуправления, но все же голосовало за проект комиссии, считая, что «новые органы смогут быть поставлены на службу осуществлению социалистического строя». С некоторыми поправками предложенная резолюция была принята единогласно.

На второй день съезда большой политический доклад прочел т. **Альбарда**. Он указал, что на состоявшихся недавно выборах в провинциальные советы социалдемократия удержала свои позиции. Наоборот, буржуазные партии, особенно правые, вынуждены были отдать значительную часть своих избирателей национал-социалистам. Остановить этот фашистский натиск буржуазные партии, «желаяющие сохранить демократические свободы от гибели», смогут лишь в том случае, если «признают значение социалдемократического рабочего движения для цивилизации» и «радикально пересмотрят свое отношение к этому движению». Поборить национал-социалистическое движение может лишь энергичная правительственная политика, способная справиться с безработицей и вывести страну из кризисной пропасти. Хотя голландская социалдемократия никогда не стремилась к участию в правительстве, но она никогда этого участия и не боялась и с 1918 года постоянно заявляла о своей принципиальной готовности принять участие в правительстве, образованном на демократической основе и с демократическими целями. Тов. Альбарда убежден, что, «если бы другие партии выразили готовность составить вместе с нами кабинет, дающий гарантии конструктивной кризисной политики, спасения безработных от обнищания и отчаяния, энергичной защиты демократии и предания военного министерства тому забвению, которое ему подобает, то голландская социалдемократия, в сознании своего долга перед голландским народом и рабочим классом, ухватилась бы за это предложение. Если бы захотели перекинуть руль и образовать с нами демократический фронт, то хоть завтра могло бы составить правительство парламентского большинства и энергично взяться за тяжелую борьбу с нищетой». Закончил свою речь т. А. краткой характеристикой международного положения и призывом к энергичной борьбе на предстоящих вскоре муниципальных выборах.

На третий день состоялось торжественное совместное заседание представителей партии и профессиональных союзов, посвященное главным образом обсуждению вопроса о «плане труда». Окончательное разрешение этого вопроса предоставлено предполагаемому на сентябрь совместному съезду партии и профессиональных союзов.

Съезд закончился выбором центральных учреждений партии. Из них по состоянию здоровья выбыл т. **Вибаут**, замененный и в Исполкоме РСИ т. **Форринком**. Об этом вынужденном отстранении т. Вибаута от интернациональной работы нельзя не пожалеть: несмотря на свой преклонный возраст, т. Вибаут по свежести и критической силе мысли перед лицом новых проблем движения оказывался подчас наиболее «молодым» из голландских товарищей.

Ф. Д.

АВСТРИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ОБ «ЕДИНОМ ФРОНТЕ».

Революционные Социалисты Австрии, нелегальная партия австрийской социалдемократии, решили превратить издаваемый ими нелегальный листок «Революция» из органа массовой информации и пропаганды в орган дискуссионного и информационного обслуживания самой организации. Задачи массовой пропаганды будут отныне целиком предоставлены «Арbeiter-Cейтунг», издаваемой в Брюнне под редакцией Отто Бауэра, а разработка теоретических проблем — издаваемому там-же и под той же редакцией «Кампф».

В первом номере преобразованной «Революции», вышедшем в середине апреля, помещены две весьма ценные статьи: «Тезисы о нелегальной работе» и «Основы нашей политики единого фронта». Эта последняя статья начинается с указания на настойчивое стремление Р. С. к самому конституированию их в нелегальную партию, к пролетарскому единству в национальном и международном масштабе. Подробно останавливаясь на примерах крайней уступчивости Р. С. по отношению к коммунистам во имя достижения этой цели, статья продолжает:

И если, несмотря на все это, итоги политики единого фронта оказываются столь неудовлетворительными с точки зрения всякого, для кого единство рабочего класса является важнейшей задачей движения, то это заставляет нас еще раз пересмотреть проделанный опыт. Организационный кризис единого фронта сопровождается политическим кризисом его. И мы спрашиваем себя: **может-ли совместная работа продолжаться на тех же основаниях и в тех же формах, как до сих пор, или же необходимо поставить ее на новое и лучшее основание?** Подготовка к февральской годовщине и ход совместных кампаний, но также и поведение К. П. за последние

месяцы побудили нас искать этого нового основания и отстаивать его в предстоящих ныне переговорах с К. П.

Продланное за этот год Р. С. отрядное развитие в смысле выработки ясной политической линии и единства взглядов на принципиальные и практические вопросы революционно-пролетарской классовой политики обязывает нас и решающий вопрос этой политики, вопрос об едином фронте, перевести из плоскости чистого чувства в плоскость откровенного, политического и принципиального обсуждения. Мы стремимся в то же время найти организационные формы, делающие возможными — в пределах общих взглядов — общую работу и борьбу двух партий, вынужденных действовать в рамках нелегальности. К. П. засвидетельствует свою волю к единому фронту, если будет стараться вместе с нами работать над созданием лучших условий для его осуществления.

Р. С. еще раз заявляют о своей приверженности к единому фронту. В переговорах с товарищами из К. П. и в совместной работе с организациями К. П. они будут руководствоваться следующими положениями:

1. Непосредственно после февральских боев политическая дезориентация австрийских рабочих была очень велика. Общий рост радикализма выразился вначале в тяге к К. П. Политическая переориентировка не-коммунистических революционно настроенных товарищей требовала порядочно времени, точно так же, как и построение централизованной нелегальной организации, ни в какой степени не подготовленное практикой легального периода. У К. П. еще до февраля имелась нелегальная организация. Ее политическое и организационное превосходство в эпоху, непосредственно следовавшую за февралем, давало ей бесспорное преимущество в смысле организации лишившихся партии австрийских рабочих. В это время ей и действительно удалось подчинить своему руководству часть бывших членов с.д. партии, членов профсоюзов и шутибунда. Но уже к лету 1934 г. К. П. перешла через высшую точку своего развития.

Главные причины, псмешавшие австрийской К. П. стать массовой партией австрийского пролетариата, были тройкого рода: 1) Она оказалась **организационно неспособной** организовать притекавших к ней товарищей в рамках нелегальности и сохранить жизнеспособность движения правильным построением организации и правильным руководством ею. Организации К. П. подвергались непрерывным разгромам. Вследствие легкомысленных методов работы проваливались, например, после короткого периода существования, организации целых областей. Таким путем быстро истощался резервуар людей, готовых к борьбе. Восстановление организаций оказывается крайне трудным, иногда вообще невозможным. 2) К. П. не удалось привлечь к себе лучшие силы старой соц.-демократии своей хлесткой, но зачастую совершенно пустопорожней пропагандой, своими по большей части чрезмерно демагогическими нападками на потерпевшую поражение социалдемократию и своей теоретической работой, прикраиваемой к опрзданию всего, что делает Коминтерн. 3) За это время **Революционные Социалисты** сумели стать политическим и организационным центром притяжения для всех революционных элементов австрийского пролетариата, по принципиальным и тактическим основаниям считающих К. П. в ее нынешнем виде неспособной **победоносно** руководить австрийским пролетариатом в революции против фашизма. Организация Р. С. постепенно охватила всю страну. Р. С. развили свою пропаганду во всех областях Австрии и одновременно доработались и в своей собственной среде до ясной и отчетливой постановки проблем борьбы против фашизма.

На основе этого организационного и политического укрепления мы, Р. С., можем вести ныне переговоры с К. П. совершенно иначе, чем вели их до сих пор. До сих пор мы старались в этих переговорах избегать постановки тактических и принципиальных вопросов и предоставляли таким образом К. П. инициативу и атаки в этой сфере; отныне мы отказываемся от такого пассивного поведения и будем — перед революционными, активными борцами — **вскрывать многочисленные тактические и принципиальные недостатки и ошибки международной и австрийской коммунистической политики.** Ни одна политическая атака К. П. не останется без ответа. Как ни рады мы будем возможности констатировать в этой, необходимой в интересах всего рабочего движения, дискуссии общность взглядов, мы все же не будем боязливо обходить разногласия, чтобы добиться нездорового и непрочного мира, который мог бы скорее повредить революционному движению, чем быть полезным для него.

2. Мы — **революционная организация.** В подтверждении этого со стороны К. П. мы не нуждаемся. И все же мы должны требовать от коммунистов, чтобы они всегда и при всех условиях имели это в виду, дискутируя с нами. На всякие выпады К. П. в этом смысле, хотя бы в местных газетах и листовках, мы будем отвечать перед товарищами из К. П. и всем рабочим классом. Точно так же мы будем решительно протестовать против всяких попыток уклоняться от обсуждения

подлинных проблем при помощи словечек о «брюнских возгрядах» и т. п. Рамки и характер наших взаимоотношений с Заграничным Представительством мы определяем сами. Нашим партийным работникам нам нет надобности ежедневно повторять, что **политическое руководство Р. С. и все политические решения находятся единственно и исключительно в руках товарищей, работающих внутри страны.** В интересах более плодотворной совместной работы нам приходится иногда желать, чтобы это было так и в австрийской К. П.

3. Единый фронт — проблема международная. Мы боремся за единство в рамках Интернационала, и нам нечего прибавлять или убавлять в тех заявлениях, которые мы неоднократно делали по этому вопросу. Но и внутри страны всякая дискуссия об едином фронте превращается в дискуссию об отношении к Интернационалу. В этой дискуссии мы должны с полной определенностью требовать от К. П.:

Отказа от постоянного возложения на Р. С. ответственности за политическое поведение отдельных партий II Интернационала;

Признания, что ко II-му Интернационалу принадлежат и могут принадлежать партии различной принципиальной установки — как реформистские, так и революционные.

Товарищи из К. П. должны признать, что задачей раздробленного, подпольного рабочего движения Австрии не может быть враждебное отношение к другим рабочим партиям Европы только потому, что, в соответствии с особенностями их положения, они политически и теоретически еще не доработались до наших революционных взглядов. Мы нуждаемся в помощи и поддержке рабочих партий Европы. Мы не хотим изолировать себя от партий, руководящих ныне в Европе борьбой рабочих. Наша принадлежность ко II-му Интернационалу есть вопрос целостности, а не мерило революционности наших воззрений. Нашей организации II-го Интернационал не дает никаких обязательных предписаний: мы сохраняем полную тактическую и организационную свободу.

Мы должны обратить внимание товарищей из К. П. на то, что единый фронт в Австрии мог бы давно уже дать гораздо более крупные результаты, если бы и австрийская К. П. пользовалась такой же тактической и организационной свободой. Из исторического опыта мы знаем, что политика III-го Интернационала определяется потребностями Советского Союза. Р. С. же полагают, что международная политика пролетариата должна определяться не только потребностями русского государства, но и условиями борьбы и потребностями рабочего класса всего мира. Поэтому полнейшая зависимость австрийской К. П. от Коминтерна является сильным препятствием для успеха нашей объединительной работы.

Пока австрийская К. П. остается простой исполнительницей велений III-го Интернационала, она неизбежно втягивается и во все споры, возникающие внутри III-го Интернационала. Мы знаем, что в III-ем Интернационале и чисто теоретические и тактические вопросы решаются насильем: за пределами Советского Союза уклоны ликвидируются исключением из партии и шельмованием, а в самой России ссылкой и даже расстрелами оппозиционных большевиков. Мы не хотим быть втянутыми в такого рода борьбу. Мы не можем поэтому осуществлять единый фронт в рамках III-го Интернационала. Мы были бы рады, если бы создалась предпосылка и для нашей совместной работы с III-м Интернационалом, и в этом духе мы будем работать и внутри нашего Интернационала.

4. К элементам искренней готовности к совместной борьбе за низвержение фашизма и за диктатуру пролетариата принадлежит и не-предвзятая, не-демагогическая оценка прошлого. Именно в этой области мы должны требовать от товарищей из К. П. идейной переориентировки. Анализируя послевоенное развитие и, в частности, развитие австрийского и германского рабочего движения, К. П. должна отказаться от манеры выдвигать лишь ошибки социалдемократического руководства и отмахиваться от всей трагедии средневропейского рабочего движения не-критическими и не-марксистскими декларациями о «предательстве» социалдемократических вождей. К. П. должна наконец критически пересмотреть и свое собственное прошлое, признать ошибки германской и австрийской К. П. с такой же откровенностью, с какой Р. С. признают и критикуют ошибки социалдемократии.

При таком подходе к вопросу К. П. должна признать, что ответственность за несчастья средневропейского рабочего движения падает и на политику Коминтерна, и что лишь теперь, и притом только в силу внешне-политических потребностей Советского Союза, III Интернационал сделал во Франции первый шаг к изменению своей роковой политики по отношению к европейскому рабочему движению.

К. П. должна проявить готовность в деловой идейной дискуссии с доверенными лицами РСИ проанализировать фашизм и приспособить тактику к результатам этого анализа. Для такой деловой идейной работы необходимо освободить политическую работу от пут газетной фразеологии, столь процветавшей

тающей в К. П., и от полузнайского, книжнического злоупотребления цитатами из Маркса и Ленина.

***

Последние три параграфа печатаемого интересного документа посвящены организационным проблемам «единого фронта», осложненным теми условиями подполья, в которых приходится работать нашим австрийским товарищам. Документ кончается указанием на то, что ЦК Революционных Социалистов представит ЦК компартии ряд конкретных предложений, имеющих целью сделать практику «единства действий» максимально успешной и одновременно превратить ее в «подготовительную работу для достижения действительной цели политики единого фронта — образования единой, революционной партии австрийского рабочего класса».

ЮЛИЙ ЦЕЛЬМС

9 мая в Риге скончался один из старых деятелей Латвийской социалдемократии, Юлий Цельмс.

Покойный начал свою деятельность в рядах социалдемократии с 1898 года, продолжая до 1905 года свою работу в качестве народного учителя. В революции 1905 года он принял активное участие. С 1906 по 1907 год редактировал в эмиграции партийный орган «Циня». С 1908 года был студентом Московского Коммерческого Института, но в то же время руководил рядом партийных газет.

Участник мировой и латвийской освободительной войны, он со времени освобождения страны непрерывно был членом всех законодательных собраний независимой Латвии (Народный Совет, Учредительное Собрание, Сейм) — вплоть до переворота Ульманиса в мае 1934 года, когда, вместе с другими ответственными деятелями социалдемократии, был арестован и просидел 5 месяцев в тюрьме. Вместе с председателем сейма Павлом Калинин, Бруно Калинин и Ульмане он был предан военному суду по обвинению в нелегальном хранении оружия.

Тов. Цельмс скончался от эмболии сердца (после операции) на 56 году жизни. События последнего года сильно расшатали его здоровье. Развращенная пресса победившей диктатуры и сейчас не перестает поливать грязью не только всю соц.-дем. партию, но и отдельных ее деятелей. Тов. Цельмс тяжело переживал эту травлю. Но рабочий класс, освобождению которого тов. Цельмс посвятил свою жизнь, позабодится о том, чтобы господство победителей не было длительным!

Для характеристики существующего в Латвии положения остается прибавить, что администрация не разрешила напечатать в газетах объявление о смерти тов. Цельмса.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Советский патриотизм. — Легализация обывательского патриотизма. — Смущение в среде коммунистов. — Оппозиционные настроения комсомольцев. — На распутье без вождей. — Снова в тюрьмы и ссылку!

Злоба дня у нас — предстоящий приезд Лавала. Об этом говорят в советских учреждениях, в заводских курилках, в общежитиях молодежи и пригородных поездах. Наиболее распространенное настроение — это чувство национальной гордости. Россия снова стала великой державой, дружбы которой добивается даже такое сильное государство, как Франция. При этом любопытно, что в сознании большинства происходящие события отражаются так, что Франция, нуждаясь, мол, в защите от Германии, просит помощи у Советского Союза. В совучреждениях обывательски настроенные служащие, годами молчавшие, теперь уверенно говорят о национальном патриотизме, об исторической миссии России, о возобновлении старого франко-русского союза, встречая при этом сочувственное одобрение коммунистов-руководителей учреждений.

Среди идейных коммунистов явная растерянность. Им трудно сразу совместить еще недавние лозунги о СССР, как авангарде международной революции, с задачами советско-французского союза, им трудно забыть, что еще недавно Францию Лавала оценивали, как страну международной реакции, мечтающую интервенцией задушить первую пролетарскую страну. Большинство, конечно, приспособится. Но последняя советская ориентация будет еще одним толчком к

отходу части старой большевистской гвардии от политических дел. Об этом процессе я вам писал уже несколько раз. Особенно остро переживает патриотический парад современных большевистских вождей советская молодежь. Комсомольцы, воспитанные на романтизме дней гражданской войны, привыкшие весь буржуазный мир расценивать, как вчерашних или завтрашних интервенционистов, знающие на зубок соответствующие цитаты из Ленина, не хотят примириться с намечающимся мирным сожительством со всем буржуазным миром за исключением Германии. Особенно их возмущает дипломатическая кухня Литвинова. В комсомольских кружках вспоминают времена, когда Ленин или Чичерин, вынужденные использовать содействие одной из буржуазных стран против другой, одновременно вели открытую революционную борьбу против всего буржуазного мира, более того усиливали борьбу Коминтерна именно в той стране, от которой принимали помощь. Теперь же Литвинов подписывает обязательства об отказе от агитации одно за другим, а Коминтерн совсем сошел со сцены, как действующая сила. Сталинская теория, по которой защита СССР диктуется не национальными, а интернациональными соображениями: необходимостью сохранить существование первой страны пролетарской диктатуры, вызывает возражения: такая тактика, мол, отталкивает от ВКП одну за другой европейские компартии и, кроме того, убивает коммунистическое движение в европейских странах.

Вообще молодежь сейчас очень недовольна, оппозиционные настроения выплывают то здесь, то там. Комсомольцы с трудом примиряются с переменами и во внутренней политике, с поворотом к рынку, к советской демократии. Сталинская идеология молодежь не удовлетворяет, новой она сама создать не в силах. Иногда кружки оппозиционной комсомольской молодежи делают попытки обратиться с своими сомнениями к ветеранам старой большевистской гвардии, находящимся сейчас в опале. Очень характерно, что большинство этих опальных вельмож отказываются не только высказать свой взгляд, но боятся даже выслушать молодых коммунистов.

...Вновь стал остро вопрос о политических ссылках. В последние месяцы оканчивают сроки ссылки многие ссыльные. ГПУ вновь продлевает им сроки, при этом за пару недель до окончания срока их арестовывают, пересылают в Москву или другой крупный центр, держат в тюрьмах по три-четыре недели, а затем назначают в какую-нибудь дальнюю ссылку. Очень много арестованных, которых ГПУ держит таким методом, то в тюрьме, то в ссылке, лишь с короткими интервалами, уже с 1923 года, т. е. больше 10 лет! Особенно плохо то, что на новых местах ссыльным часто не разрешают иметь заработки и им приходится жить впроголодь, посылаками от родных. Прямо, какая-то ставка на вымирание политических ссыльных от болезней, голода и истощения!

13 мая 1935.

А.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 22/4, 28/4, 3/5, 19/5, 22/5.
Отослано: № 7, №-ра 35,36.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 4 (68), Апрель 1935.
Пробуждение, № 56-57, Март-Апрель 1935 г. Детройт.
Le Combat Marxiste, N° 19, Mai 1935.
Zeitschrift für Sozialismus. Heft 19. April 1935.
Socialismus. 4. szam. 1935 Aprilis N6. Budapest.
La Bataille Socialiste, N° 37 et 38.
La Révolution prolétarienne, N° 197.
V. Molotov. La démocratie soviétique. Bureau d'éditions Paris.
Ch. Rappoport. Précis du communisme. Bureau d'éditions Paris.
Charles-Henri Martin. Un paysan au Pays des Soviets. Bureau d'éditions Paris.
Paul Lafargue. Le droit à la paresse. Bureau d'éditions Paris.
Karl Kautsky. Aus der Fruehzeit des Marxismus. Engels' Briefwechsel mit Kautsky. Orbis-Verlag. Prag. S. 416.
Preis: Brosch. kc. 70, gebunden kc. 80.
Cahiers du bolchévisme, N° 9.
Der Kampf, N° 5. Mai 1935.
Zukunft, N° 4. New-York. 1935.
Jivobletter. Band VIII, N° 1. Januar 1935.